

Глава I. О Неизведанном

Драко ступил на землю за порогом Хогвартса, залитую солнцем, и внезапно подумал, что вот она — жизнь: ведёт вдаль сияющей тропой... И впервые осознал: она стоит того, чтобы жить.

Определенно, стоит.

Сколько Драко себя помнил, он всегда воспринимал жизнь как сражение — бесконечную борьбу с внешним миром и с самим собой. С детства ему твердили, что нет ничего страшнее, чем быть серой посредственностью. Именно поэтому каждая его мысль, каждое движение, каждый вздох были нацелены как раз на то, чтобы не стать таким как все. Его задача — быть лучше, превзойти других. Желательно во всем. Каждый этап его жизни был заранее спланирован: он четко следовал намеченным целям и прекрасно знал, что его ждет впереди. До недавнего времени...

Драко сунул руки в карманы своих модных, слегка зауженных светлых брюк и, закрыв глаза, подставил лицо солнечному свету. Думать ни о чем не хотелось. Мерное жужжание насекомых убаюкивало, а приятное тепло нежило его бледную кожу и дарило ощущение полной расслабленности. Перед глазами мельтешили цветные узоры, ежесекундно сливаясь в затейливом калейдоскопе меняющихся пестрых картинок.

— Малфой, ты чего там застрял? Прощаешься с пчелами, что ли?

В теплой расслабленной пустоте, царившей в голове Драко, внезапно нарисовался низкий голос Гарри, который вмиг вернул юношу к реальности. Он поморщился и открыл глаза. Прежнее очарование исчезло — солнце ослепляло и ему пришлось прищуриться, гул насекомых слился с другими звуками и стал почти незаметен, а в голове бегущей строкой снова появились мысли.

— Вон из моей головы, Поттер, — резко скомандовал Драко.

Издав короткий смешок, Гарри, явно довольный своей шуткой, затих.

Драко обернулся и окинул взглядом Хогвартс. Здесь покоилось его прошлое — четко спланированное и уверенное. Прошлое, к которому он только что повернулся спиной, оставляя позади себя. Впервые в жизни он действительно не знал, что дальше. Там, в ярких лучах солнца, его ждала неизвестность... Но она не страшила Драко. Наоборот — он вдруг почувствовал небывалый прилив энергии, впервые ощущая себя по-настоящему свободным. Улыбнувшись, он сделал шаг вперед — навстречу Неизведанному...

* * *

Куда они направлялись? Юноши не соизволили задуматься о такой мелочи. Какая разница, куда ехать? Главное — двигаться вперед, несясь навстречу чему-то новому, тому, что непременно изменит их жизни. У каждого из них для этого были свои причины, но им обоим жизненно необходимы были перемены.

Драко разглядывал сочные изумрудные луга, мелькавшие за окном, и думал о том, что

видел в Зеркале Еиналеж. Воскрешая в памяти тот миг, он отметил, что в зеркале показался себе другим. Что-то в его облике неуловимо изменилось, и от этого он вдруг почувствовал себя немного неуютно. Однако больше всего его заинтересовало то, что там он был один. Неужели для полного счастья ему никто не нужен? А как же Гермiona? Или, если на то пошло, Джинни?

Драко отвернулся от окна и, закатив глаза, глубоко вздохнул. Ну, вот, опять он умудрился вернуться к тому, от чего так старался убежать... И это именно сейчас, когда у него не было ни малейшего желания думать ни об одной из этих девушек. Когда в памяти всплывал образ первой, он чувствовал тупую боль, зарождающуюся в сердце: пульсируя, нарастающими толчками она разливалась по всему телу, принося ему невыносимые страдания. Когда думал о второй — чувство вины захлестывало его с головой, заставляя бороться с собственной беспомощностью...

Драко ухмыльнулся. В один ряд: Малфой, боль, чувство вины и беспомощность. Скажи кому-нибудь — ни за что не поверят. И еще больше не поверят, признайся он, что всю эту бурю чувств в нем умудрились разбудить две совсем юные особы...

Гермиона была для него недоступной книгой, которую так хочется прочесть, невзирая на разного рода запреты извне. Стащив ее из Запретной Секции, ты прячешься за самым дальним столом, боясь быть застуканным. Дрожа от предвкушения, раскрываешь, пробегаешь по первым страницам, затем медлишь и перебираешь буквы на вкус, наслаждаясь каждым словом. Раз за разом, несмотря на угрозу быть раскрытым, ты возвращаешься за новой порцией и поглощаешь ее всю без остатка. Дочитав, чувствуешь легкое сожаление, потому что это вроде как все. Но со временем приходит понимание того, что она не стала менее желанной, и, что именно она навеки будет твоей любимой — той, к которой ты готов возвращаться снова и снова...

С Джинни же все наоборот — она была открытой книгой, которая нравится многим и которую все советуют тебе прочесть. Она складно написана и легко читается, но что-то в ней тебя настораживает. Умом ты понимаешь, что история, и правда, хороша, но она не находит отклика в твоём сердце. Прочитав ее от корки до корки, ты не можешь понять, что не так: то ли ты упустил что-то, то ли просто не смог подобрать к ней ключ. Остается странное ощущение недосказанности. Ты можешь посвятить всю свою жизнь поиску разгадки, перечитывая ее снова и снова, но не факт, что достигнешь в этом успеха.

Драко всегда любил загадки и тайны, но, в тоже время, терпеть не мог разного рода головоломки, на решение которых уходила чертова куча времени. Этим всегда занималась Гермiona, которая довольно быстро и с удовольствием справлялась с разными заморочками.

Но разве не это было тем, к чему он сейчас стремился? И кто, как не Джинни, со всеми своими тайнами и головоломками, больше всех олицетворял собой то Неизвестное, в руки которого он решил отдаться?

Гермиона навсегда потеряна для него. А Джинни, хоть и сбежала, но оставила записку, в которой уверяла, что любит его и что вернется. Тогда почему бы ему не рискнуть и не попробовать построить свою жизнь по-новому?

* * *

Сизый туман клубился над небольшим искусственным прудом, словно пар из кипящего котла. Растягиваясь по саду невесомыми полупрозрачными прядями, он медленно окутывал

стволы деревьев. Легкий ветерок, едва ворошивший листья, дышал прохладой, а воздух, наполненный озоном после недавней грозы, был невероятно свеж.

Стоявшая у окна юная девушка с наслаждением втягивала его в себя — после череды особо жарких дней и душных вечеров эта краткосрочная прохлада была настоящим подарком. К сожалению, она нисколько не унимала внутреннего пламени сомнений, пожиравшего ее душу.

Целый день после отъезда Гарри и Драко Гермиона не находила себе места. Она металась по Малфой-мэнору, судорожно пытаясь отвлечься от навязчивых грустных мыслей. Однако ни прогулка по живописному саду, ни попытка помочь эльфам на кухне, ни даже раритетные книги из библиотеки не возымели должного действия. Гермиона вынуждена была признать — она соскучилась, и ей уже не хватает их. Не хватает его...

Девушка зажмурилась и обняла себя руками. На ресницах заблестел хрусталь, соленой влагой скатившийся вниз по щекам.

Он ей нужен. Очень нужен.

"Много же тебе понадобилось времени, чтобы, наконец, осознать это", — с горькой усмешкой отметила она про себя.

Гермиона разомкнула руки и вцепилась в подоконник, наблюдая, как туман разбавляет сумерки, становясь при этом дымчато-серым. Таким же цветом пылают его глаза, когда он злится...

Она резко отвернулась от окна, уставившись в светло-серый шелк обоев своей комнаты, что моментально вызвало ассоциацию, аналогичную предыдущей. Вздохнув, девушка опустилась на кровать, застеленную покрывалом, вышитым серебряной нитью. Но даже когда она не видела этого треклятого цвета, перед глазами все равно был он... Из уст Гермионы вырвался тихий стон отчаяния. Она закрыла лицо руками, но уже через секунду отвела их, прижимая к губам переплетенные пальцы обеих рук.

Она сама все разрушила. Ради нее он готов был отречься от самого дорогого, а она... она побоялась причинить боль человеку, который был ее парнем, а заодно и лучшим другом. Любила ли она Гарри? Да, любила. Но так же она вынуждена была признать, что с появлением в ее жизни Драко она впервые почувствовала себя по-настоящему живой. Рядом с ним ее жизнь обретала иной смысл, затягивая в водоворот незнакомых доселе чувств и желаний. И она боялась их. Боялась отдаться нахлынувшему потоку, боялась сделать шаг в пропасть Неизведанного, которая с одинаковой вероятностью могла оказаться и раем, и адом. Гермиона страшилась той бури чувств, которую в ней вызывал Драко. Куда спокойнее было находиться рядом с Гарри — любящим, нежным и вполне предсказуемым.

Девушка повернула голову и бросила взгляд на небольшую прикроватную тумбочку из темного дерева. На обрамленной витиеватой рамкой колдографии, стоявшей там, было трое друзей: Драко и Гарри — по бокам и Гермиона — в центре. Гарри, широко улыбаясь, обнимал ее за талию и прижимал к себе. Драко же наоборот — едва касался ее плечом, и, взяв за руку, легонько сжал ее пальчики. Так же, как и тогда, легкая дрожь пробежала по ее телу...

Перед ними пронесся Рон. Гарри схватил его за руку и резко потянул, заставляя вернуться в кадр — Уизли начал шутливо отбиваться... Они вчетвером радостно хохотали и толкались, не переставая пялиться в камеру. Гермиона улыбнулась. Гарри тогда был так счастлив... Она хотела, чтобы так было всегда, чтобы боль потерь никогда больше не омрачила изумрудных глаз ее дорогого друга. Но и сама она не менее сильно желала стать

счастливой.

Гермиона вновь подумала о Драко, об их странной дружбе, которая лишь по ее вине не переросла в нечто большее. С Гарри она была близка с первого курса школы: сначала они были друзьями, потом влюбленными... И это казалось совершенно естественным. А с Драко, наоборот, они враждовали настолько долго, что девушка не сразу смогла разглядеть его настоящего.

Гермиона шумно втянула воздух и резким движением улеглась на спину, утопая в перине. Мысли в голове проносились со снитчевой скоростью. А что, если рискнуть? Попробовать начать строить свою жизнь по-новому? Что, если еще не поздно?

Девушка замерла, испугавшись того, о чем разрешила себе мечтать. Пресловутые бабочки взбесившимся роем заклокотали в животе, но в тот же миг притихли.

Гермиона вспомнила еще кое о ком. Даже если после всего ей удалось бы сохранить дружбу с Гарри, оставалась еще Джинни. Теперь, когда все как будто устоялось, когда они с Драко вместе... Нет, Джинни однозначно этого не вынесет. Как, впрочем, и Гарри. К тому же, выбрав Драко, Гермиона внесет раскол в их общую дружбу.

Боже, как же это все сложно! На глазах опять возникли слезы.

Как с этим жить? Как улыбаться, целовать других и чувствовать себя счастливой, когда ты хочешь быть лишь с ним... Когда тебе известно, что и он втайне тоже мечтает быть с тобой... Что он желает не Джинни, не Блейз, ни кого-нибудь еще, а только тебя... Но ничего нельзя изменить. Уже слишком поздно. Слишком. Поздно.

* * *

Джинни Уизли лежала в тени светлого зонтика, защищавшего ее от палящих лучей, и смотрела, как ее братья-близнецы играют на пляже во что-то наподобие маггловского бадминтона. Ракетки они заменили парой заклинаний, придуманных ими же, и теперь испытывали действие своего изобретения, активно размахивая волшебными палочками.

Безмятежный синий океан почти бесшумно накатывал волны, вяло прогуливающих из одного конца пляжа в другой. В белоснежных шезлонгах дремали несколько человек, еще столько же устроились в маленьком баре с крышей из длинных зеленых листьев, заколдованных таким образом, чтобы от них постоянно исходила освежающая прохлада.

Джинни лениво потянулась за пузатым бокалом, наполненным бирюзовой жидкостью и толченым льдом. Блаженно зажмурившись, она потягивала через соломинку коктейль, думая о том, что в отдыхе без присмотра родителей есть куча преимуществ.

Хотя, узнай они обо всем, что она натворила ранее, ее даже за порог родного дома не выпустили бы. И были бы правы.

Во-первых, она случайно возродила Тома Риддла. Все, что она пережила тогда, не поддавалось описанию — настолько страшными и тяжелыми были те события. Затем она спасла жизнь Драко, добыв противоядие из прошлого с помощью Хроноворота. И если бы Симус не уничтожил эту опасную вещицу, Джинни, пожалуй, уже была бы мертва. А еще она влюбилась в Малфоя. Ну, и апофеозом всего этого стал ее побег из дома, пускай заранее запланированный, но все же побег. Она поступила, как настоящая трусиха — провела ночь с парнем, которого любила, а затем сбежала, оставив лишь короткую записку. На самом деле, ей было немного страшно. Ее пугала некая недосказанность в их отношениях. Она боялась дальнейшего их развития, которое вполне могло быть не в ее пользу. Боялась того

Неизведанного, которое могло начаться или же наоборот — не начаться, оставшись лишь миражом, исчезающим при попытке приближения.

Джинни чувствовала себя такой маленькой... Ей вдруг захотелось, чтобы ее вообще никто никогда не нашел. Хотелось скрыться в этом райском уголке под сенью широколистных пальм и до конца своей жизни общаться только с разноцветными говорящими попугаями. Ну, еще, может быть, с молодым барменом Мануэлем — он забавный и постоянно засыпает ее комплиментами.

Но с другой стороны, ей очень хотелось снова увидеть Драко. Она так соскучилась по нему — по его чудесным глазам, сильным рукам и жарким поцелуям... Она скучала даже по его язвительным замечаниям, если по ним вообще можно было скучать.

Она поступила нечестно, сбежав от него, не дав ему шанса проявить себя. Наверняка, он рассчитывал, что они вместе проведут это лето. Ведь потом Джинни уедет в школу и пробудет там, как минимум, до Рождества. Иногда ей очень хотелось вернуться домой и объясниться, однако гордость не позволяла ей сделать этого.

Каждый раз в голове возникал вопрос: "А что насчет самого Драко?"

Ведь он говорил, что любит ее, почему тогда он не ищет с нею встречи? А найти ее, между прочим, не составляло особого труда, учитывая то, что она сама дала ему подсказку. В такие моменты Джинни всегда гордо вздергивала подбородок. И, невзирая на всю мощь желаний хотя бы одним глазком повидать любимого, девушка продолжала оставаться на побережье. Она будет ждать своего часа. И дождетя.

* * *

Гарри так трясло в карете, что он проснулся. Очки съехали набок, и от этого пейзаж, мелькавший за окном, показался ему сплошным зеленым пятном. Он вернул дужки на место, поморгал и перевел взгляд на сидевшего напротив Драко. Тот задумчиво уставился в окно, и, казалось, совсем не обращал внимания на своего друга. Вид у Драко, нужно признать, был несколько странный. Всегда безукоризненно собранный, ухоженный и отутюженный, молодой аристократ сейчас выглядел уставшим и немного помятым.

Его лицо было бледнее обычного, губы — сжаты в тонкую линию, а в глазах цвета плавленого серебра застыли ледяные искры. Прошло довольно много времени с тех пор, как укорачивающее заклинание касалось его светлых прядей. Теперь они спадали ему на лоб и надоедливо лезли в глаза. Не отрывая взгляда от окна, Драко рассеянно провел рукой по волосам и заправил прядь за ухо. Этот ставший таким привычным жест остался от прежнего Драко — Драко, который, все больше слабел, приближаясь к воротам мира иного. Драко, с которым мысленно все уже попрощались.

Все, кроме Гарри. Он вспомнил, как изо всех сил старался не дать другу навсегда уйти в другой, Неизведанный мир... Юноша содрогнулся и отогнал от себя это болезненное воспоминание. Сейчас Малфой снова был в порядке — полон сил и энергии.

Впрочем, что-то его все-таки беспокоило. Гарри не столько видел это, сколько чувствовал.

— Малфой? — мысленно позвал он.

Драко повернулся и насмешливо уставился на Гарри.

— Чего тебе, Поттер? Очередное возрождение Волдеморта? — он саркастически вскинул бровь.

— Ха-ха, умереть, как смешно, — скривился Гарри.

Помедлив секунду, он прямым взглядом уставился на друга и продолжил:

— Ты выглядишь немного... странно. С тобой все в порядке?

Малфой шумно втянул воздух и картинно пожал плечами.

— Все ли в порядке? А ты сам подумай: в Зеркале Еиналеж я увидел, что я уже и не я вовсе, а затем меня бросила девушка, и не в первый раз, кстати. А еще я еду непонятно куда с сумасшедшим очкариком. Так что да — все в полном порядке. В чудесном злосчастном порядке, — он отвернулся и снова уставился в окно.

Гарри улыбнулся. Эта вспышка искренне позабавила его. Он старался выглядеть как можно более серьезным, но это выходило у него из рук вон плохо.

— Ты злишься, — произнес он, не в силах скрыть улыбку.

— Нет, — не оборачиваясь, отчеканил Малфой.

— Злишься, — повторил Гарри. — Ты злишься, потому что впервые все идет не по твоему сценарию.

— Еще чего! — Драко скривился, высокомерно вздернув подбородок. — Если хочешь знать, Поттер, все всегда было и будет так, как я захочу. Потому что я — Малфой.

— Что ты говоришь... — протянул Гарри, передразнивая манеру Драко растягивать слова. Еле сдерживаясь от душившего его смеха, он притворно подобострастно воззрился на друга:

— Начинать поклоняться тебе уже сейчас или до завтра подождать?

— Ах так, значит, — азартно воскликнул Драко, недобро прищурился. — Смотри сюда, жалкий раб привычек и рутины.

Драко вскочил, выхватил из пристегнутых на поясе ножен волшебную палочку и направил ее на старинный компас, висевший в углу кареты. Одно быстрое движение палочкой и карета резко накренилась влево, со скрипом повинувшись приказу изменить курс.

Глаза Гарри, и без того большие, сделались от удивления просто огромными. Инстинктивно он ухватился за боковую ручку, пытаясь не упасть.

— Малфой, тебе кто-нибудь говорил, что ты совсем двинутый? — проговорил он, когда карета, наконец, выровняла курс.

Драко усмехнулся, не скрывая удовольствия.

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — процитировал он известное изречение. — Но, если быть точным, я не "двинутый", я импульсивный и властный.

Гарри закатил глаза.

— Ну, и куда мы направляемся? — спросил он.

— Навстречу Неизведанному, — загадочно произнес Драко, снова устроившись у окна.

— И почему мне кажется, что это Неизведанное напрямую связано с одной нашей знакомой рыжеволосой красоткой, — хмыкнул Гарри.

— Какая поразительная догадливость, Поттер, — насмешливо кинул Драко, вальяжно растягиваясь на широком сидении. — Мы поворачиваем на юг — кажется, я вычислил, где находится Джинни.

— Как? — спросил Гарри одними глазами.

— Помнишь открытку, которую она прислала мне в середине лета?

— Ага. Но ты ведь говорил, что там не было обратного адреса.

— Его там и нет. Я применил к открытке "Инвениэс" — заклинание особого поиска.

— "Инвениэс"? — задумчиво переспросил Гарри. — Впервые о таком слышу. Откуда ты

его знаешь?

Драко собирался было сообщить, что это Гермиона рассказала ему об этом заклинании, но вовремя смекнул, что сейчас явно не время вспоминать о ней при Гарри. Поэтому, напустив на себя как можно более безразличный вид (благо, у него это всегда отлично получалось), он пожал плечами и произнес:

— В книжке какой-то прочитал.

Убедившись, что Поттер поверил, он с вызовом продолжил:

— Ну, что, Гарри, рванем навстречу Неизведанному? Соглашайся — приключения я тебе гарантирую!

Его лицо искрилось неподдельным весельем. Гарри в притворном ужасе закатил глаза.

— Вот уж в чем я никогда не сомневаюсь, — покачал он головой. — Может, в этот раз обойдемся без них?

Малфой рассмеялся.

— Так куда мы все-таки направляемся? — повторно спросил Гарри.

Улыбка сгладила черты лица Малфоя, а прищуренные глаза придали ему несколько загадочный вид.

— Мы направляемся на побережье, — сообщил он, привычно растягивая слова. — В тихий райский уголок на берегу океана. Совсем недалеко отсюда, кстати.

Договорив, он оперся головой о стенку кареты позади себя и, мечтательно улыбаясь, прикрыл глаза, давая таким образом понять, что разговор окончен.

Глава опубликована: 13.07.2014

Глава II. О различного рода Перипетиях

Некоторое время они ехали молча. Драко, похоже, был полностью поглощен своими мыслями, а Гарри, безо всякого интереса уставившись в окно, отчаянно пытался разгадать смысл очередной авантюры, в которую он так неудачно ввязался. Он понятия не имел, в чем состоял план его друга, но даже не сомневался, что ничем хорошим это не кончится. Впрочем, предвидеть это можно было еще вначале — когда он только согласился на совместное с Малфоем путешествие.

Собственно, тогда эту поездку Гарри представлял себе несколько иначе. Он думал, что Драко, как и он сам, устав от постоянных приключений и передрыг, хочет лишь отдохнуть и хорошо провести время. Он думал о тихом и мирном вояже с остановками у горных озер, ночевками в маленьких придорожных мотельчиках и прогулками в лесу, разбавленных общением с местными волшебниками.

Гарри обреченно вздохнул. Ну, да. Как же — держи карман шире! О каком покое может идти речь, когда рядом человек столь взбалмошный, непредсказуемый, неуравновешенный и... Короче, когда рядом с тобой Малфой. А все потому, что Драко просто не мог жить спокойно. В этом была вся его суть — ему постоянно нужны были движение, интриги и хитросплетения. В этот раз он поставил себе цель — узнать мир и найти, наконец, себя. А Гарри-то до этого какое дело? Он, может, еще со своим внутренним миром не разобрался...

И сам он — тоже хорош! Взял и позволил втянуть себя в это. Ведь сразу было ясно, что всё опять будет вертеться вокруг Драко. Как обычно, Малфой лишь прикрывал благими намерениями истинные. Это крайне возмущало Гарри, который никогда так не поступал с близкими людьми. Но Драко другой — он эгоист, уверенный в том, что он сам и есть центр

Вселенной, а потому все должны беспрекословно выполнять его желания и восхищаться каждым его поступком...

Из тяжелых размышлений Гарри вывело негромкое шуршание в углу кареты. Повернув голову, он обнаружил, что Драко снял компас с цепочки, на которой тот висел, и, постукивая по нему пальцами, сосредоточенно что-то шептал. Закончив, он взялся насвистывать незатейливую веселую мелодию. Гарри почему-то это вывело из себя.

— Малфой, какого черта ты тут высвистываешь, как соловей на опушке Запретного леса? — возмутился парень. — Ты мне так все нервы развинтишь: я уже снова почти спал, и тут ты вдруг разошелся: сначала шипел, будто мастерство парселтанга оттачивал, а теперь свистишь. Имей совесть!

— К сожалению, — бесстрастно произнес Малфой, даже не поднимая головы, — или, к счастью, — это кому как — моя совесть бессовестно бросила меня еще в раннем детстве. Так что, придется нам рассчитывать только на твою.

Он повертел в руках компас, а затем добавил:

— Что касается остального, ты бы лучше помолчал, Поттер. Спать он собрался — разлегся, как принц! А ничего, что я тут работаю за двоих? Я, между прочим, сейчас не шипел, а заклинанием настраивал компас. Ты ведь не хочешь, чтобы мы сбились с пути и застряли в какой-нибудь глухомани, или у подножия нерушимых скалистых гор? А так, благодаря моим стараниям, знаниям и способностям мы совсем скоро окажемся на берегу рая, — самодовольно подытожил он.

Гарри фыркнул.

— Не знал, что ты можешь предсказывать. Я думал, это — удел Рона. Ты часом не в родстве с Трелони? — прищурился, язвительно бросил Поттер.

Однако Малфоя это замечание ничуть не задело. Скорее наоборот — изрядно развеселило. Он тут же сделал большие глаза и напялил сочувствующее выражение на лицо.

— О, мой милый, бедный мальчик! — запричитал он в ответ, неплохо копируя интонацию профессора Прорицаний. — Вокруг тебя сгущается Мрак, и сама Смерть уже протягивает к тебе свои костлявые руки. Бедный, славный мальчик. Как мне жаль тебя, как жаль!

Затем для полной убедительности он картинно затих на несколько секунд, сверля Гарри опечаленным взглядом и кивая головой.

— Но больше всего мне жаль, что вместе с тобой уйдет и твой талант к сочинению красочных сновидений по моему предмету. Ах, как же искусно ты их придумывал! Особенно мне понравилось то, где тебе приснилось, что ты утопил профессора Снэйпа в котле для варки зелий. Какое там, кстати, было зелье, малыш? Доксицид? О, святая Моргана! Все знаки налицо — тебе придется вынести невероятные страдания прежде, чем Смерть заберет тебя в свои спасительные объятия! — Малфой закончил речь и, довольный собой, разразился бурным хохотом.

Конечно, это было смешно, но сейчас Гарри ни за что не позволил бы себе этого признать.

— Прибереги свой плоский юмор для тех, кто его оценит, — еле сдерживая улыбку, пробормотал он и отвернулся к окну. Однако то, что он там увидел, заставило его брови тут же поползти вверх.

— Э-э-э.. Малфой? — неуверенно позвал он.

— Поттер, да у тебя, я вижу, рот не закрывается. Я думал, это — удел Рона, —

переиначил он фразу, сказанную Гарри.

— На твоём месте я бы заткнулся и все же взглянул в окно, — резко ответил ему друг.

Драко бросил на него подозрительный взгляд, но в окно выглянул. Теперь пришел черед его бровям взметнуться вверх от удивления. Перед ними возвышался невероятно красивый, темный, величественный и... совершенно непроходимый дремучий лес.

— Быть этого не может! — воскликнул слизеринец.

Гарри закатил глаза. Ну, конечно, как смеет этот лес своим присутствием портить королевские планы самого Драко Малфоя!

— Я не мог ошибиться, — продолжил бубнить Малфой. — Нет-нет, это исключено — я всё делал, как она учила... Как там точно говорила Гермиона? Заклинание "Инвениэс" — для особого поиска. Для поиска коротких путей, — поправил он сам себя.

— При чем здесь Гермиона? — встревоженно уточнил Гарри.

Однако, Драко будто не слышал друга. Осторожно потянув за серебряную цепочку на шее, он снял с нее что-то похожее на крохотную книгу размером с почтовую марку. Гарри удивленно наблюдал, как слизеринец положил ее на стол, а затем взмахнул палочкой, прошептав неизвестное заклинание, начинающееся с Энгоргио. На глазах гриффиндорца игрушечная книжка превратилась в небольшой ежедневник в черном кожаном переплете. В правом нижнем углу серебрились витиеватые инициалы "ДМ" — Гарри догадался, что это — дневник. Наверное, там что-то важное, раз Малфой так тщательно его оберегает. В тоже время, было немного странно видеть у него в руках что-то подобное. Драко произнес еще одно заклинание — дневник открылся и слизеринец принялся быстро, но бережно листать тонкие страницы.

Наконец, он нашел, что искал, и впился взглядом в текст, продолжая рассуждать вслух:

— Уточнить и подогнуть траекторию, сверить координаты... Заклинанием навести координаты на компас...

По правде говоря, в этот момент Драко здорово напоминал Гермиону.

— Нет, все правильно. Я все сделал, как она учила. Интересно, почему же мы тогда оказались именно здесь?

На его вопрос Гарри ответить не успел, потому что карета неожиданно задрожала и вместе со своими пассажирами провалилась под землю.

* * *

Джинни открыла глаза и недоуменно уставилась в светлый потолок, спросонья пытаясь сообразить, где же она находится. Секунду назад она была в спальне Драко Малфоя, однако эта комната ничем ее не напоминала. Девушке понадобилось всего несколько мгновений, чтобы окончательно прийти в себя и осознать, что это был всего лишь сон. Ее подсознание сыграло с ней злую шутку, подбросив такую желанную иллюзию, — будто минувшую ночь она снова провела с Драко и проснулась в его постели на следующий день после свадьбы Сириуса и Нарциссы.

Джинни разочаровано застонала. Реальность просто убивала ее. На самом деле, все то, что ей сейчас приснилось, произошло неделю назад. Потому-то, проснувшись сегодня поутру, она не обнаружила рядом с собой раскинувшегося на кровати, мирно посапывающего светловолосого красавчика. Ровно неделю назад она наспех настрочила ему записку со словами "люблю", "нужно подумать" и "обязательно вернусь" и укатила с

братьями на побережье. Джинни сладко вздрогнула, вспоминая, как во время молчаливого прощания, любуясь спящим Драко, она легонько коснулась губами его смеженных век, которые прятали самые красивые в мире глаза цвета лунного сияния...

Как же ей хотелось вернуться в объятия своего сновидения!

Однако реальность была иной — сон закончился, и новый день встречал ее яркими лучами, зазывая выглянуть на улицу пока солнышко еще ласкало, не успев высушить до дна остатки ночной прохлады. Уже через пару часов оно будет немилосердно жечь, заставляя прятаться в тень даже самых заядлых любителей позагорать.

Джинни сладко потянулась и повернулась на правый бок, любуясь открывшимся видом. Одна из стен ее небольшой, но светлой и уютной комнатки, была стеклянной. Это давало возможность наблюдать за бескрайней кобальтово-синей гладью океана, не вставая с кровати.

Шаловливый ветерок прокрадывался сквозь открытые стеклянные двери и заигрывал с прозрачными занавесками полога, словно призывая девушку распахнуть их и выйти навстречу солнцу. Джинни повернулась на спину и снова уставилась в потолок, гадая, чем же порадует ее сегодняшний день. Особой радости она не ощущала, а вот тревожных предчувствий было хоть отбавляй. Почему-то казалось, что сегодня должно случиться что-то по-настоящему важное и, возможно, не совсем хорошее. Что-то, что перевернет ее жизнь.

— Нечего тут переворачивать — все и так встало сног на голову! Вернуть бы все на круги своя... Но как? И главное — надо ли? — Джинни даже не заметила, что произнесла это вслух. Она попыталась подавить странные предчувствия, затолкав их на дно сознания.

Выскользнув из кровати, девушка направилась в сторону маленькой ванной, с наслаждением касаясь босыми ступнями прохладных белых плит. Освежившись в душе под струями ароматной воды (на этот раз она выбрала запах лаванды), Джинни направилась к двухстворчатому белоснежному шкафу, в котором с большим трудом удалось уместить привезенные с собой наряды. По-правде говоря, где-то в глубине души она надеялась, что сюда все же прибудет тот, для кого она собиралась их надевать. Или снимать...

Длинный шифоновый сарафан модного мятного оттенка, подхваченный на талии тонкой резинкой и разлетающийся книзу легкими волнами, она дополнила оправленными в бронзовое плетение серьгами бежевого цвета в форме плоских капель. Волосы уложила в низкий пучок, тем самым привлекая дополнительное внимание к изящной тонкой шейке. Она как раз завершала образ, подкручивая покрашенные ресницы специальным заклинанием, когда ее внимание привлек шум на первом этаже.

Вообще-то, она привыкла к постоянной суматохе, царившей в доме. Когда ты приходишься сестрой близнецам Уизли, то учишься не обращать внимания на периодические взрывы, восхищенные возгласы и непрекращающиеся оживленные беседы. Близнецы все время шумели — в этом была вся их суть. Однако теперь ей показалось, что голосов было больше, чем два. Девушка приоткрыла дверь и прислушалась. Да, это о чем-то восхищенно толкует Фред. Или Джордж? Без разницы — их все равно не различишь. А затем... Гарри? Она не ослышалась? Нет-нет, это точно он! Когда в разговор вклинился третий голос, Джинни почувствовала, как ее обдало жаром и сердце пустилось вскачь — этот голос она узнала бы из тысячи других голосов. Драко. Ее Драко. Здесь. Он нашел ее. Он приехал!

На секунду она растерялась, не зная, что делать. Затем метнулась к шкафу и достала оттуда коробку с хрустальными туфельками, сделанными Драко из его собственных носков с

утятами. С этими туфельками у них обоих были связаны самые приятные воспоминания. Бросив напоследок оценивающий взгляд на себя в зеркало, Джинни с колотящимся сердцем поспешила вниз. Перед тем, как спуститься, она остановилась на площадке, чтобы немного успокоиться и взять себя в руки. Однако долго стоять на месте не смогла — ее сжигало желание поскорее увидеть его.

Джинни бесшумно спускалась, скользя рукой по светлым перилам. Две ступени, три — и вот уже ей видно его спину в белоснежной рубашке. На предпоследней ступеньке она замерла, нервно сжимая в кулачки внезапно ставшие влажными ладони. Парни негромко о чем-то переговаривались. Братья стояли лицом к ней, но первым девушку заметил Гарри. Все еще улыбаясь, он повернул голову влево, бросил взгляд на лестницу и пораженно застыл. Его глаза округлились. "Будто все удивление мира собралось в этих зеленых глазах", — мелькнуло в голове у Джинни. В следующую секунду он выразил свое восхищение ею, безмолвно произнеся одними губами такое не длинное, но емкое "Вот это да!" Девушка почувствовала, как на щеках запылал румянец.

— О, сестренка, ты уже проснулась! Доброе утро! — весело подмигнул ей Фред.

— Извини, мы, конечно же, должны были вести себя тише! — добавил Джордж.

— Привет всем! — еле слышно обратилась к компании Джинни. Однако в этот момент она видела лишь одного человека — стройного красавчика с платиновыми волосами, стоявшего спиной к ней. Он слегка наклонил голову набок, замер, а затем медленно повернул к ней лицо. Джинни готова была поспорить, что еще секунда — и ее сердце вылетит из груди и прыгнет прямо к нему в руки.

Целую минуту они стояли, молча утопая в глазах друг друга, — впивались, пожирали, ласкали взглядами — глядели и не могли наглядеться. Словно со времени их последней встречи миновало не семь дней, а множество десятилетий. Наконец, он оторвал взгляд от ее лица и оценивающе медленно прошелся по тонкой фигурке, изучая каждую деталь. Напряженная, как натянутая тетива, Джинни почувствовала новый прилив жара — обжигающим поцелуем тот коснулся ее щек, колючими мурашками пробежался по коже и разлился внизу живота жидким пламенем. Кажется, Драко понял ход ее мыслей: губы его дрогнули в легкой полуулыбке, и он одобрительно приподнял бровь.

— Джинни. Отлично выглядишь.

Продолжая улыбаться, он с грацией пантеры сделал шаг ей навстречу. Инстинктивно она подалась вперед и протянула руку — ей хотелось коснуться его... Сейчас лишь от него зависело, как все пойдет дальше. Он тут же заключил ее руку в свою, а затем, поднеся ее маленькую ладошку к своим губам, коснулся ими ее тыльной стороны. Джинни ласково улыбнулась, неуверенно заглядывая ему в глаза. Их взгляды снова встретились — большего и не требовалось. В следующую секунду девушка покачнулась и оказалась в его объятиях. Властно прижав Джинни к себе одной рукой, другую Драко уверенно запустил в ее прическу. Миг — и заколка, сдерживающая огненный водопад, оказалась у него в руках, позволяя яркому пламени рассыпаться по спине и плечам. Джинни казалось, что она парит в воздухе — ей хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно. От его губ она оторвалась лишь на миг, чтобы снова заглянуть в такие любимые глаза цвета лунного сияния...

— Нет, Фред, ты только посмотри на него! Малфой, это же наша сестра, а мы все еще здесь!

Очарование вмиг рассыпалось на осколки — Джинни вдруг осознала, что они с любимым здесь не одни, и снова покраснела.

Словно сквозь туман, она слышала, как Джордж завел речь о возвращении домой. Девушка разочарованно вскинула глаза на брата. Как домой? Почему? Она ведь только начала мечтать о том, каким чудесным будет их с Драко совместный отдых...

Будто почувствовав настроение девушки, Малфой сжал ее руку, а затем абсолютно спокойно произнес, привычно чуть растягивая слова:

— На улице лето, за окном океан, мы в местечке, где можно вдоволь повеселиться, — куда нам спешить? Неделя-другая не играет никакой роли, а чем вы будете заниматься вернувшись? Изнывать от жары и скуки в пыльном доме?

Драко был весьма убедителен — на лице его не дрогнул ни один мускул. Джинни неуверенно покосилась на парня. Этой непривычно-холодной непоколебимостью он сейчас смутно напоминал ей кого-то другого. Кого-то хорошо знакомого... Малфой взглянул на нее и тут же изменился в лице: улыбнулся и легонько подмигнул. Она облегченно вздохнула — показалось! Он всего лишь играл, пытаясь сделать все для того, чтобы оставить ее здесь.

Жара и пыль близнецов не трогали, чего не скажешь о перспективе заскучать. Нет, в обществе друг друга они никогда не грустили, однако здесь однозначно было намного интересней, чем дома. Поэтому они согласились пока повременить с отъездом. Джинни просияла и, переплетя свои пальчики с пальцами Драко, потянула парня наверх — в свою комнату. Гриффиндорка поразила новизне ощущений — казалось, будто рука, сжимающая ее ладонь, принадлежала не Малфою, а кому-то другому.

"Вот, к чему приводит даже недолгая разлука, — с горечью подумала она. — Когда я успела отвыкнуть от его прикосновений? А ведь думала, что ни за что не забуду их".

Уже наверху она услышала слова Фреда, которые тот кинул им вдогонку:

— Вирджиния Уизли, прежде чем что-либо делать, подумай о маме: она ведь, как всевидящее Сауиновское око — всегда все обо всем знает...

Парни громко рассмеялись.

* * *

Джинни захлопнула дверь и повернулась к Драко. Тот стоял посредине комнаты и внимательно изучал обстановку с видом человека, которому раньше не доводилось бывать в подобных местах. Окинул пристальным взглядом светлые стены, сиреневые шифоновые занавески, белоснежную мебель — шкаф, комод, кровать, маленький резной туалетный столик и табурет ему в тон. Затем двинулся прямо к стеклянной стене, попутно захватив рукой прозрачную накидку полога. Та скользнула по его ладони и, бесшумно колыхнувшись, вернулась на место. Кончиками пальцев правой руки Малфой провел по стеклу и застыл, любуясь изумительной панорамой — перед его взором раскинулся залитый солнцем пляж, окруженный безмерной синевой неба и расплескавшейся на тысячи километров бирюзовой гладью воды...

Пару шагов влево, еще один — сквозь открытую стеклянную дверь — и вот он уже на крохотной террасе, украшенной диковинными растениями. Они росли прямо из прозрачных полукруглых емкостей, наполненных водой, и с виду отдаленно напоминали небольшие пальмы. Верхушки невысоких стволов венчали густые короны из разноцветных ярких листьев. Казалось, эти странные деревца совсем не боятся солнца. Они мерно покачивались на своих тоненьких, но крепких ножках, распространяя вокруг себя ощутимую прохладу. Слева под их сенью притаился белый плетеный столик, окруженный такими же

стульями. Ласковый бриз легонько шуршал страницами лежащей на столе раскрытой книги.

Джинни все еще стояла у двери, боясь нарушить эту странную молчаливую идиллию. Наконец Драко вернулся в комнату. И, еще раз окинув все быстрым взглядом, произнес:

— Здесь довольно... мило.

Девушка робко улыбнулась, но ее улыбка тут же померкла под его пристальным взглядом.

— М-м-м... Как насчет того, чтобы искупаться? — спросила она и сразу же кинулась воплощать свое предложение, собирая пляжную сумку.

Он не ответил.

— Может, потом сходим куда-нибудь перекусить — я покажу тебе свои любимые места.

В ответ — тишина.

— Фред и Джордж устраивают фейерверк сегодня вечером, — тараторила она дальше, доставая из комода сиреневые полотенца.

Его молчание уже начинало оглушать.

Наконец, она оторвалась от процесса сбора вещей и, застыв, кинула обеспокоенный взгляд на Драко. Тот все еще стоял на прежнем месте, и, сунув руки в карманы брюк, бесстрастно наблюдал за ее суетливыми движениями.

Ему не нужно было произносить вслух ни слова, она и так знала, чего он хочет.

Поговорить.

Она и сама этого хотела. Хотела, но боялась. Не знала, с чего начать — слишком много всего накопилось. Джинни вдруг почувствовала себя такой потерянной... Кинув полотенца на кровать, она опустилась рядом с ними и нервно сцепила ладони в замок.

— Драко, я... — начала она, не поднимая глаз, но тут же умолкла.

— Продолжай, — велел он.

Джинни вспыхнула — этот командирский тон мгновенно вывел ее из себя.

— А, может, это как раз тебе стоит продолжить? — бросила она, гордо вздернув подборок. — Со мной, по-моему, и так все ясно.

Она ждала, что он рассердится, обвинит во всем ее, либо же просто фыркнет и уйдет. Ей было немножко стыдно, что она требует от него объяснений, когда, вроде как, тоже должна объясниться. Ведь он до сих пор ни слова не сказал о том, что это именно она его бросила, сбежав прямо из его постели после вместе проведенной ночи.

Однако, к ее несоизмеримому удивлению, Драко лишь насмешливо хмыкнул.

— Что именно ты хочешь знать?

Джинни не ожидала такого поворота событий. Теперь, когда он согласился отвечать, она не знала, о чем спрашивать. Фразы перепутались в ее голове, превратившись в один огромный знак вопроса. Незаметно для нее самой, с ее губ слетело лишь одно имя:

— Гермiona...

— Это в прошлом, — тут же жестко отчеканил он. — Еще что-то?

Но Джинни стояла на своем.

— Откуда мне знать, что это правда? Ты уже не раз так говорил, а оставить ее так и не мог. Ты ведь все еще любишь ее, да? — еле слышно спросила она.

Улыбка исчезла. Малфой выглядел крайне раздраженным. Скривившись, как от боли, он процедил:

— Не говори ерунды, Джинни. То, что у меня были какие-то там чувства к... — он запнулся и на секунду умолк. Затем продолжил, практически выплевывая каждое слово:

— ... к Гермионе — это сейчас не имеет никакого значения. Сейчас все совершенно по-другому. Она мне безразлична.

Джинни не верила своим ушам.

— Я имею ввиду, как девушка, — поправился Драко. — В ней нет ничего особенного. Она обычная: никакой интриги, никаких всплесков — сплошной штиль. Другое дело ты — яркая, зажигательная, пламенная...

Сердце Джинни пропустило удар. Еще один.

— Разве удивительно, что я выбрал тебя? Разве могло быть иначе? — произнес он, загадочно улыбаясь.

Теперь ее сердце бешено стучало, руки почему-то начали мелко дрожать, и Джинни просто не смогла удержать отчаянно рвущихся наружу слов:

— Я люблю тебя, Драко Малфой. И всегда буду любить. Слышишь? Вечно.

Он стоял в прежней позе и выглядел так, будто не ожидал этого услышать. Хотя всего пару дней назад сам говорил что-то подобное. Джинни затаила дыхание, ожидая его ответа. Пять секунд, десять, пятнадцать...

— А ты? — не выдержала она. — Ты меня любишь?

Улыбка сползла с его лица. В один широкий шаг он оказался рядом — возвышался над ней, отрезая все пути к отступлению. Глаза в глаза — пристально, отчаянно. Руки сжаты в кулаки, дыхание прерывистое... Джинни дернулась и поднялась, инстинктивно ощущая потребность быть с ним наравне, желая глубже упасть в эти бездонно-серые пропасти его глаз. На секунду ей стало страшно. Драко смотрел на нее так, будто она нанесла ему смертельную обиду, за которую он собирался ей отомстить. Он поднял руку — Джинни внутренне сжалась. Однако он лишь ласково коснулся ею ее щеки. Затем крепким объятием прижал девушку к себе, скользя губами по тонкой шее и жадно втягивая в себя аромат юного тела... Джинни трясло, как в лихорадке. Дрожащими руками она обхватила его за плечи, как никогда ясно понимая в тот миг значение выражения "земля уходит из под ног".

Одной рукой обнимая ее за талию, а другой — лаская ее спину, Малфой чуть отклонился, а затем, снова глядя ей прямо в глаза, тихо, но совершенно отчетливо произнес:

— Люблю ли я тебя? Нет, Вирджиния Уизли, все гораздо хуже. Все дело в том, что я не мыслю без тебя своего существования.

Для нее эти слова по силе воздействия были сродни нокауту — связь с внешним миром утрачена, реален только он — человек, которого она любила.

Свободное падение в бесконечность — непередаваемые ощущения...

Глава опубликована: 17.07.2014

Глава III. О событиях прошлого и неожиданностях настоящего

Сгущающиеся сумерки окутывали гостиную Малфой-мэнора чернильным полумраком. Высокие, наполовину зашторенные окна, все еще пытались втянуть в замок как можно больше быстро тускнеющего света, однако результат не радовал. Даже стены, обитые серебристым шелком, предпочли уйти в глубокий серый тон. Лишенная солнца и сияния свечей, комната темнела на глазах, становясь от того все более неудобной.

Белокурая женщина, застывшая в просторном удобном кресле возле незажженного камина, словно не замечала этих перемен. Она сидела, не шелохнувшись, и в последних отблесках убегающего дня казалась высеченной из мрамора статуей — красивой, но

холодной. Бледное лицо с поджатыми губами, гордо выпрямленная спина и тонкие белые руки, крепко сжимающие бокал, наполненный вином — со стороны могло показаться, будто она позирует невидимому художнику.

На самом деле, Нарцисса Малфой, а это была именно она, погрузилась в глубокие раздумья, унесшие ее за миллион миль от мэнора. И лишь ясные серые глаза выдавали истинные чувства своей хозяйки.

Нарцисса Малфой — вот уже неделю как снова Блэк — была счастлива. Настолько, насколько могла быть счастлива женщина, которая любила и была любима. Ее сердце, долгие годы опутанное крепкими нитями ледяной паутины, постепенно оттаивало, убыстряло свой ритм, наслаждалось чувством, которое считало навеки утерянным для себя. Она совсем забыла, каково это — отдаваться другому человеку без остатка, ощущать себя любимой, ловить восхищенные взгляды милых сердцу глаз, чувствовать надежное плечо рядом днем и засыпать на нем жаркой ночью. Нарцисса будто снова вернулась в свою юность — снова почувствовала себя влюбленной шестнадцатилетней школьницей. Совсем как тогда, когда ее сердцем завладел Люциус...

Память тут же услужливо подбросила знакомый, некогда такой родной образ молодого человека, в которого она, совсем юная волшебница, влюбилась с первого же взгляда. Она помнила каждую черточку любимого лица — острые скулы, красиво очерченные губы, пронзительно-серые глаза, густо обрамленные темными ресницами, и длинные пряди светлых волос.

Люциус был старше нее на полтора года, имел значок старосты и, по единому мнению всех студенток Хогвартса, считался одним из самых красивых парней школы. Молодой чистокровный аристократ из древнего рода, владеющего несметными богатствами, просто не мог не привлекать к себе внимания девушек. О нем грезили не только студентки Слизерина, но и представительницы других факультетов. Поговаривали, что даже гриффиндорки тайком вздыхали по Малфою.

Чего только не делали ученицы Хогвартса, чтобы добиться внимания старосты Слизерина, а теперь уже — и всей школы! На переменах младшие девчонки стайками высыпали во внутренний двор, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Малфоя, который обычно читал, сидя у фонтана. Куда более смелые старшекурсницы проплывали мимо, призывно улыбаясь и кидая на белокурого красавчика томные взгляды. Каждая вечеринка в школе неизменно превращалась в показ самых модных и весьма экстравагантных на ту пору нарядов (при этом количество отработок, раздаваемых профессорами за "неподобающий вид", возрастало втрое). В ход шло все — от робких записочек с просьбами о встрече до Амортенции, непонятно каким образом оказавшейся в тыквенном соку.

Но, увы, Люциус Малфой был еще и самым неприступным парнем школы. Максимум, на что могли рассчитывать девицы — безразлично-скучающий взгляд, брошенный мимоходом. Но даже это не расхолаживало их пыл, более того — добавляло парню шарма и загадочности в глазах юных волшебниц. Школа наполнилась слухами об интрижках Малфоя — его видели в компании то одной, то другой студентки. Все как на подбор — породистые и чистокровные, умницы и красавицы. Но возле ни одной из них он не задерживался надолго.

Пять лет Нарцисса с волнением и любопытством наблюдала за этой истерией, стараясь не выдать своих истинных чувств. Не то, чтобы он ей не нравился — еще как нравился! Но, будучи истинной аристократкой, она ни за что не позволила бы себе порхать перед мужчиной, словно вырвавшаяся на волю пикси. Как и всякая романтическая девушка, она

мечтала, что он сам обратит на нее внимание и безоглядно влюбится...

Но годы шли, а Люциус по-прежнему удостаивал ее лишь словами приветствия и прощания, да еще иногда — строгим безликим обращением по фамилии, когда нужно было что-то передать. Постепенно она начала сознавать, что вряд ли случится так, что он вдруг прозреет и посмотрит на нее иными глазами — для него она была всего лишь еще одной хорошенькой чистокровной слизеринкой, которых вокруг пруд пруди. Смириться с этим было нелегко, но и вздыхать по тому, кому ты безразличен, не было смысла.

К шестому курсу ей и вовсе удалось успокоиться. У нее самой теперь появились поклонники, многие из которых были весьма интересными личностями. Нарцисса всерьез увлеклась трансфигурацией и нумерологией, стала активнее принимать участие в жизни факультета и записалась в школьный хор.

Она всегда любила петь, но никогда не делала этого на публику. Поэтому во время прослушивания ужасно волновалась и любимую французскую балладу спела, казалось, еле слышно. И уж совсем не ожидала, что ее голос приведет в такой восторг руководителя хора. И, как оказалось, не только его.

В тот памятный вечер в общей комнате Слизерина закатали шумную вечеринку по поводу удачного открытия змеиным факультетом квиддичного сезона.

Разгоряченные сливочным пивом загонщики с шестого курса потребовали от Нарциссы песню в свою честь. Краснея от всеобщего внимания, она исполнила ту самую балладу — чистый голос мягко перебирал летящие ноты, и шум в гостиной внезапно стих сам по себе. В загадочной полутьме неровные огненные пряди из камина подсвечивали золотом легкое кремовое платье девушки, играли бликами в ее светлых волосах, ласкали заалевшие щеки.

Смущенная, но довольная, она даже не подозревала, как прекрасна была в тот миг. На ней сошлись взгляды всех, кто присутствовал в комнате. И даже тех, кого там не было. На лестнице, ведущей в мужские спальни, застыл староста школы. Он спустился, дабы уgomонить буянящих квиддичистов и их неумных поклонников, однако так и не сошел с последней ступеньки.

Когда волшебство, рожденное пением Нарциссы, немного рассеялось, а в гостиной снова воцарился бардак, Люциус в два шага преодолел расстояние между ними и, легонько подхватив ошарашенную девушку под руку, вывел ее в коридор.

Через полторы недели уже весь Хогвартс знал, что Люциус Малфой, наконец, определился с выбором.

Конечно, ей пришлось нелегко — письма с угрозами и проклятиями от возмущенных поклонниц Люциуса она получала едва не каждый день. И все же, это был самый счастливый год в ее жизни. Любимый человек отвечал ей взаимностью, на Рождество ее официально представили семье Малфоев, а на летние каникулы она уезжала уже с помолвочным кольцом на пальчике. Сами каникулы она провела в Малфой-мэноре, изучая под чутким руководством будущей свекрови обычаи их семейства. А по вечерам, сбежав от надзора приставленной дуэньи, они с Люциусом гуляли по саду и целовались под луной.

Во время одного из таких романтических randevу он рассказал ей о Клубе. Нет, она знала о нем и раньше — еще в школе Малфой периодически убегал на свои загадочные собрания. Однако Нарцисса приучена была не задавать лишних вопросов, поэтому уклончивые ответы парня воспринимала, как указку не лезть не в свое дело.

В тот вечер Люциус поведал ей значительно больше, но девушка к полученной информации отнеслась на удивление спокойно. Вовсе не потому, что так уж поддерживала

идеи Пожирателей Смерти, но потому, что посчитала этот Клуб обычным ребячеством. Кучка романтиков, совсем еще мальчишек, решивших изменить мир в лучшую сторону, убежденных, что бразды правления нужно передать в руки чистокровных — затертая до дыр идея была стара, как мир. Поговаривали, что первым об этом заговорил еще великий Салазар. Но за последнюю тысячу лет никому так и не удалось воплотить ее в жизнь. Так что на причуды будущего мужа влюбленная невеста смотрела, мягко говоря, сквозь пальцы. В ту минуту она даже не подозревала, как сильно заблуждалась.

Быстро пролетело это довольно беззаботное для девушки время — сразу после ее выпуска они сыграли свадьбу, и Нарцисса стала миссис Малфой. В то время ее новоиспеченный муж уже принял Метку, но ей об этом рассказал лишь на следующий день после венчания — такой информацией можно было делиться только с законной женой.

Слушая благоговейные рассказы Люциуса о Темном Лорде, Нарцисса впервые задумалась о том, что все гораздо серьезнее, чем ей показалось. Масла в огонь подливал "Пророк" с его статьями о таинственном исчезновении магглов, погромах в Косом переулке и нападениях на семьи магглорожденных волшебников... Нарцисса встревожилась. Однако Люциус приложил тогда все усилия, чтобы усыпить ее бдительность. Молодая женщина ни в чем не могла упрекнуть мужа — он был нежным любящим супругом и все свободное от дел время посвящал жене.

Одна печаль омрачала их жизнь — у молодой четы никак не было детей. Целители — местные и зарубежные светила колдомедицины — пожимали плечами, утверждая, что и она, и Люциус абсолютно здоровы.

Нарцисса впала в депрессию. Ее муж все чаще возвращался домой к полуночи, а то и вовсе не приходил. Свекровь постоянно бурчала о дурной крови Блэков, поминая при этом Сириуса — кузена невестки, сбежавшего из дома несколько лет назад. Тогда Нарцисса впервые подумала о том, что завидует ему — в отличие от нее, он был волен делать все, что пожелает. Себе же она сейчас казалась беспомощной птичкой, запертой в золотой клетке...

За семь лет брака она уже успела смириться с тем, что никогда не сможет иметь детей. Поэтому, когда ее личный целитель сообщил ей радостную весть, она едва не лишилась чувств.

Все изменилось в один миг, жизнь снова заиграла яркими красками. Люциус вновь боготворил ее, а родители и свекры пытались угодить каждому капризу.

Драко Люциус Малфой родился жарким вечером в начале июня, возвестив всех о своем появлении на этот свет громким недовольным криком. И с тех пор во Вселенной Нарциссы засияло новое Солнце.

Их единственный сын рос точной копией отца — такой же красивый, сильный, самоуверенный и... ранимый. Но, к большому сожалению Нарциссы, Драко никогда так и не узнал своего отца по-настоящему — таким, каким тот был до того, как принес в жертву Темному Лорду свою любовь к сыну.

С тех пор Люциус изменился почти до неузнаваемости, и Нарцисса больше не видела в нем заботливого и нежного мужа. Вину за это она полностью возложила на Темного Лорда. Проживая каждый новый день, исполненный холода и отчужденности, она бесчисленное количество раз представляла, какой могла бы быть их жизнь, если бы ее муж не поддался пагубному влиянию Волдеморта...

Тогда она еще не знала, через какие испытания им вскоре придется пройти — падение Лорда, позор, нависший над их семьей, попытки мужа избежать Азкабана, а затем —

равнодушные: безграничное и всеобъемлющее. Сама она могла стерпеть все, что угодно, но когда речь заходила об их единственном сыне...

Драко с ранних лет рос с установкой на то, что он должен быть лучшим — достойным сыном своего отца и наследником древнего рода. Но Люциус все равно был вечно им недоволен, считая успехи сына слишком скромными для представителя великой фамилии Малфой.

За проступки Драко непременно полагались наказания, иногда и весьма жестокие. При этом имелось в виду, что это для его же блага. Не зря ведь девиз Малфоев гласил: "Наказание ведет к страху. Страх ведет к послушанию. Послушание ведет к свободе. Таким образом, наказание есть свобода".

Но хуже всего было то, что Нарцисса не могла предотвратить происходившего — Люциус пригрозил, что в случае ее вмешательства, сделает все, чтобы она никогда больше не увидела Драко...

У нее не было причин не верить ему. Поэтому она терпела. Они оба терпели — она и ее дорогой мальчик. Под покровом ночи она прокрадывалась в спальню к сыну — давась подступившими слезами, тихо напевала ему нежные колыбельные и осторожно лечила его раны и ушибы...

На глаза навернулись непрошеные слезы. Она смахнула их рукой со щеки, внезапно осознав, что уже совсем стемнело. Ей было неизвестно, что перед тем, как Рон Уизли убил Люциуса, тот снова обрел утраченное чувство любви. Зная она это, то, возможно, сейчас не сидела бы в огромной мрачной комнате наедине со своими не менее мрачными мыслями...

Рядом послышался шорох, и в дверном проеме бесшумной тенью возник Сириус. Секунду он улыбался, а в следующий миг его красивое лицо уже обеспокоенно нахмурилось. Нарцисса поспешила успокоить мужа, подарив улыбку в ответ и протянув ему руку.

Легкое касание переплетенных пальцев — и вот она уже стоит, уткнувшись ему в грудь, жадно вдыхая терпкий аромат древесного одеколона.

Он немного отклоняется и смотрит ей в глаза, проверяя все ли в порядке. Она снова улыбается, привстает на цыпочки и нежно целует его в уголок губ. Уже в дверях Нарцисса оборачивается, безмолвным заклинанием зашторивая все окна.

Гостиная Малфой-мэнора погружается в кромешную тьму.

* * *

После завтрака Гермиона, по своему обыкновению, отправилась туда, где можно было найти книги. Книг у Малфоев было действительно много — место, именовавшееся их библиотекой, размерами напоминало Выручай-комнату в ее истинной ипостаси.

Но, в отличие от последней, здесь не было случайных вещей. Казалось, владельцы библиотеки задались целью собрать всё эксклюзивное, редкое и имеющее колоссальное значение для Мира Магии — от древнейших рукописей и утерянных книг до томов, существующих в единственном экземпляре. В помещении царил идеальный порядок: каждому разделу полагался свой стеллаж, у каждого предмета было свое место. Вентиляционные чары поддерживали нужную температуру и циркуляцию воздуха, а эльфы-домовики неустанно следили за тем, чтобы ни одна пылинка не упала на полки и их драгоценное содержимое.

Нужное освещение обеспечивали нестройные ряды свеч, медленно плавающие

широкими пролетами. У Гермионы все холодело внутри, стоило ей лишь представить как одна неосторожная искра... Но на свечи, как оказалось, была наложена сложная система заклинаний. Голубые языки пламени не давали тепла — один только свет. Его вполне хватало для чтения книг, но делать это здесь было не слишком удобно.

Для этих целей имелось иное помещение — примыкающая к библиотеке просторная комната с камином из мрамора и стенами, обшитыми светлым деревом. Центральным элементом рабочей части был массивный прямоугольный стол из мореного дуба, окруженный десятком высоких удобных стульев. По одну сторону расположился застекленный шкаф, вмещавший в себя письменные принадлежности, по другую — стеллаж с разнообразными справочниками первой необходимости. Большое французское окно в форме арки даже в хмурую погоду давало достаточное количество света, которого хватало не только для рабочей зоны, но и для зоны отдыха. В отличие от первой, во второй преобладали уют, обеспечиваемый потрескивающим камином и несколькими полукруглыми диванчиками с обивкой цвета кофе с молоком.

На одном из них, поджав ноги под себя, сейчас и расположилась Гермиона. Последние полтора часа она изучала "Перспективы развития трансфигурационных линий: глобальный и локальный уровни" Огдена Кроула. Книга была потрясающей — результаты новейших исследований в области временной трансфигурации тянули на очередное мировое открытие. Однако сам мир узнает об этом явно нескоро. Чуть больше года назад Огден Кроул, известный маг-исследователь, скончался, так и не успев опубликовать свою последнюю и, без сомнения, самую великую работу. Люди Люциуса тут же связались с дальним родственником, унаследовавшим имущество Кроула, и в кратчайшие сроки за довольно большую сумму выкупили у него рукопись.

С нее-то и был напечатан единственный в мире экземпляр книги. Гермиона едва не плясала от радости, когда поняла, что именно попало к ней в руки. Первые тридцать страниц она внимала каждому написанному слову, разбираясь в сложных чарах пространственно-временного континуума, но сейчас, к своему стыду, вынуждена была признать, что не в состоянии сосредоточиться на потрясающих открытиях великого мага-исследователя. Причиной тому был другой волшебник — значительно менее известный, но куда более молодой и симпатичный. С завидной настойчивостью он пробивался в ее мысли, отвлекая от изучения важного материала.

Гермиона оторвалась от книги и обреченно вздохнула, позволяя мыслям о Драко заполнить ее сознание. Ну как можно не думать о Малфое, находясь в его же доме? Когда даже в этой комнате все напоминало о нем... Взгляд задержался на его любимой чернильнице — антиквариате из бронзы с инкрустацией из лунного камня. Она знала, чем та была наполнена — Драко предпочитает чернила, меняющие цвет под настроение...

Когда он спокоен, написанный им текст имеет оттенок моря — ближе к синему, а когда раздражен — буквы становятся ядовито-зелеными. Когда он занимается, то не садится возле окна, чтобы не отвлекаться. Когда приходит почитать, всегда выбирает другой диван — тот, что подальше от огня. А когда ему нечем заняться, то он просто идет сюда и отвлекает от работы Гермиону.

Девушка задумчиво хмыкнула, припомнив, что не так давно они вдвоем сидели на этом самом диванчике и вели оживленную беседу. А, проще говоря, спорили. Делали они это, к слову, очень часто и по абсолютно разным поводам. В тот раз предметом спора стала читаемая Гермионой книга об Основателях. Сначала Гермиона и Драко не сошлись во

мнении относительно жизнеописания великих магов, а затем плавно перешли к спору о создании Хогвартса. Слизеринец где-то вычитал, что идея возведения школы принадлежала не Основателям, а Мерлину. Дескать, Слизерин и Гриффиндор просто подслушали великого мага и использовали все его идеи: от чар ненаносимости до заколдованного потолка в Большом Зале. Гермиона категорически не соглашалась, аргументируя отсутствием доказательств и хоть какого-нибудь смысла в этой теории.

Гриффиндорка живо жестикулировала и приводила доводы, ссылаясь на лежавший между ними внушительного размера фолиант — листала его и зачитывала отдельные отрывки в подтверждение своих слов. При этом периодически машинально заправляла за ухо выбивавшийся из прически локон, который никак не желал оставаться на месте и то и дело прыгал обратно.

В один из таких моментов, когда они одновременно склонились над книгой, Драко протянул руку и сам заправил непокорный локон. Затем кончиками пальцев нежно прошелся по ее правой скуле, спускаясь к подбородку — легонько погладил, приподняв его большим и указательным пальцами, и только после этого опустил руку.

Она и подумать не могла, что столь нехитрая ласка способна вызвать такую бурю чувств. Сердце застучало быстрее, дышать стало тяжело, в горле встал ком, а где-то внизу живота разлился волнующий жар.

Не мигая, вцепились они друг в друга взглядами — словно один взмах ресниц мог заставить весь мир рухнуть, оставляя за собой лишь пепел.

Ей нестерпимо захотелось ощутить на губах вкус его поцелуя. Сейчас, сию же секунду.. Желание было настолько сильным, что Гермиона готова была первой поцеловать Драко. Казалось, он прочел ее мысли, потому как, все еще не отрывая от девушки глаз, медленно пошел на сближение.

Голос Нарциссы, которая звала сына по имени, в один миг разрушил волшебство. Натянутая между ними невидимая струна лопнула — Гермиона и Драко тут же отпрянули друг от друга. Теперь в глазах другого каждый видел отражение собственного недоумения, смущения и вины. Не сказав ни слова, Драко резко поднялся и вышел. В дверях он помедлил, но не обернулся.

* * *

Гермиона вздохнула — воспоминание растревожило ей душу. Если бы не Гарри, если бы не Джинни... Если бы... Если бы... Но нет.

Слишком сложен выбор, слишком велик риск.

Готова ли она поставить под угрозу многолетнюю верную дружбу с Гарри, который всегда был и будет частью ее души? Готова ли она предать его? А ведь именно так он и воспримет ее поступок. И Джинни никогда не простит Гермиону. А Драко? Сможет ли он простить ей то, что единственный верный друг снова будет его ненавидеть, и куда больше прежнего...

Девушка снова тяжело вздохнула и перевела взгляд на окно — дождь, мелко барабанивший по стеклу, стал проливным. Ей вдруг вспомнилась совсем другая библиотека, за окном которой стоял такой же ливень...

До отъезда из Хогвартса оставалось два дня. Все экзамены были сданы, Кубок по квиддичу вручен, а внешкольные кружки объявили о перерыве на летние каникулы. Обычно прибалдевшие от счастья ученики проводили это время на улице: устраивали веселые

забавы, летали наперегонки или же расслабленно нежились на солнце. Но в этом году все испортил затяжной ливень, который, похоже, не собирался заканчиваться никогда, и расстроенным студентам пришлось довольствоваться посиделками в собственных гостиных.

А вот Гарри, Гермиона и Драко в это время были единственными посетителями школьной библиотеки. Вообще-то ни один из парней не согласился бы потратить и секунды законного отдыха на учебу. Но Гермиона отыскала несколько новых книг о Магидах, и сейчас они занимались их изучением.

Изучали, правда, лишь двое. Драко в это время лениво орудовал палочкой, создавая дождь из огненных искр, которые гасли на полдороге, окутывая всех троих теплым потоком воздуха.

— Малфой, может, делом займешься? — не выдержал Гарри.

— Я и занимаюсь делом, — на лице Драко не дрогнул ни один мускул. — Не видишь? Я оттачиваю свою силу Магида.

В ушах Поттера это прозвучало как насмешка. Он все еще плохо контролировал свои силы, в отличие от Драко, прогресс которого в этом деле был весьма заметным. Даже слишком заметным.

— А, по-моему, ты просто выделываешься, пытаешься произвести впечатление на Гермиону, — сердито кинул он Малфоя.

— А, по-моему, ты просто боишься, что у меня это получится, — спокойно парировал тот.

Гарри едва зубами не скрипнул.

— Ничего у тебя не выйдет.

— С чего вдруг такая уверенность, Поттер? — насмешливо уточнил Малфой.

Гермиона, которая до этого молчала, теперь вскинулась, хмуро переводя взгляд с одного парня на другого:

— Я все еще здесь, если вы не заметили.

Наверно они не заметили, потому что Поттер продолжал недовольно сверлить Малфоя глазами, а затем ядовито изрек:

— Ты ее не интересуешь.

Гермиона вздохнула и собралась хорошенько отчитать обоих парней. Начать решила с Драко — повернулась к нему и даже рот открыла, но вместо гневного потока слов издала лишь короткий вздох. Слизеринец водил палочкой над стаканом, поддерживая в воздухе цветок, созданный из воды. Так и застыв с все еще с открытым ртом, она восхищенно наблюдала за тем, как жидкость плавно переливалась в воздухе. Спohватившись, покосилась на Гарри — тот был мрачнее тучи.

Осторожным движением Драко опустил воду в стакан. Мадам Пинс при этом злобно сверкнула взглядом — упали на стол хоть капля, нерадивый студент тут же отправился бы восвояси.

Лениво растянувшись на стульчике, Драко повернулся к Гарри:

— Лично я уверен, что соблазнить Гермиону мне удалось бы в два счета.

Сама Гермиона при этом возмущенно фыркнула. Драко перевел на нее взгляд и добавил:

— Я ведь еще не использовал свой главный козырь.

—О-о-у, — насмешливо протянул Гарри. — Дело, конечно же, в твоём невероятном малфоевском обаянии.

Драко хмыкнул.

— Рад, что ты это признал, но нет, дело не в этом. Вернее, не только в этом, — он ухмыльнулся.

Тут уже не только Гарри, но и Гермиона заинтересовано уставилась на слизеринца — тот загадочно молчал.

— И в чем же тогда дело? — напряженно пялясь на Драко, не выдержал Гарри.

— В библиотеке.

Грейнджер и Поттер, похоже, слегка растерялись. Они лишь удивленно переглянулись, словно спрашивая друг друга: "Ты хоть что-нибудь понимаешь?"

Малфой картинно воздел глаза к небу, а затем лекторским тоном изрек:

— Общеизвестно, что мисс Грейнджер страдает хронической любовью к книгам. А у меня в библиотеке их столько и таких, — он сделал ударение на последнем слове, — что, попав туда, она, наверное, чувствовала бы себя на вершине счастья. И, чтобы я не спросил ее в тот момент, уверен, ответ на все был бы один: "Да! Конечно, да, дорогой!".

И Драко живо изобразил восхищение, с которым Гермиона, по его мнению, смотрела бы на него в тот миг.

На пару секунд в воздухе зависла тишина, а затем библиотеку взорвал оглушительный хохот. Мадам Пинс тут же подорвалась со своего места и зашикала на задыхающуюся от смеха троицу. Те, в свою очередь, пытались остановиться и просили прощения, но успокоиться никак не могли, даже Гермиона. Поэтому библиотекарша отобрала у них книги и вытолкала вон. А они и дальше — всю дорогу до выхода из замка — хохотали, как сумасшедшие.

От этого воспоминания на душе стало светлее. Девушка заулыбалась. Что ж, Драко был весьма недалек от истины.

Когда он впервые привел ее в свою библиотеку, Гермиона почувствовала себя ребенком, которому разрешили играть в огромном магазине игрушек всем, чем ему захочется, причем целый день. Благоговейно взирая на бесконечные деревянные стеллажи, тянущиеся далеко ввысь и вглубь полутемного помещения, она поначалу оробела. Однако природное любопытство возобладало, и вскоре девушка уже порхала между полками. В каком квадрате находилась неугомонная Грейнджер Драко узнавал на слух — по тому, где именно раздавалось ее восхищенное: "Не может быть!" После каждого такого восклицания шла уточняющая реплика, что же такого особенного она нашла.

Да, ей нравилось здесь. И не только в библиотеке, а в доме вообще. Нравился его стиль — мрачноватая и слегка вычурная готика, которую со временем разбавили другие направления. Нравилась широкие зеленые лужайки с прогуливающимися по ним белыми павлинами; нравился сад с фигурами — после того, как с них сняли заклятия, те стали обычными и перестали кусаться. Нравилось просыпаться на рассвете и наблюдать, как имение постепенно утопает в золотистом сиянии... Она чувствовала себя здесь как дома, и кто знает, быть может, в далеком будущем Малфой-мэнор, действительно мог бы стать ее домом.

Было ли то, что произошло накануне свадьбы Сириуса и Нарциссы, подтверждением этому? Вот в чем вопрос... Все десять дней после отъезда Драко Гермиона убеждала себя: случившееся тем вечером — не более чем выдумка ее больного воображения. Ей это показалось, привиделось, приснилось; в конце концов, этого, и вовсе, просто не было...

За окном понемногу темнело, а Гермиона все строчила и строчила, конспектируя

составляющие и процесс приготовления нового и крайне сложного зелья, с помощью которого можно было регенерировать утраченные части человеческого тела. Исследования современных зельеваров пока позволяли восстанавливать лишь пальцы да носы, но и это был крайне длительный и емкий процесс.

Сидя за дубовым столом, девушка писала, периодически поглядывая на часы — понимая, что ужасно опаздывает. Словно напоминание об этом в дверях появился нарядный Драко в угольно-черном однобортном костюме, дополненном рубашкой такого же цвета. Несмотря на отпечаток, оставленный недавней болезнью, слизеринец выглядел по-настоящему элегантно: не мальчик, но молодой привлекательный мужчина, притягивающий к себе взгляд.

Учитывая, что после смерти отца бранить Малфоя-младшего за маглловскую одежду стало некому, теперь он отдавал предпочтение именно ей. Гермиона бросила на парня оценивающий взгляд: что и говорить, Hugo Boss умеет шить костюмы, а Драко Малфой умеет их носить. Скроенный точно по фигуре пиджак подчеркивал гордую осанку парня, черный цвет выгодно оттенял светлые волосы и серые глаза. Прямые чуть зауженные брюки визуально накидывали несколько сантиметров роста и добавляли статности. Туфли, тоже черные, сияли лаком. Единственным ярким пятном в его "темном" облике был серебристый платок в нагрудном кармане.

— Отлично выглядишь, — Гермиона еще раз мельком взглянула на Драко и быстро опустила глаза в книгу.

Слизеринец остановился в проходе, скрестив руки на груди и опершись плечом о дверной косяк.

— Спасибо. Ты тоже. Тебе, кстати, очень идут эти чернильные пятна на руках. И на щеках. И на одежде. И, вообще, везде, где они есть. Кроме волос, но, готов спорить, что там пятна тоже есть, просто их не видно.

Она пропустила шутку мимо ушей.

— Даже Поттер уже почти собрался. Долго ты еще здесь? — поинтересовался Малфой.

— М-м-м-м... — неопределенно протянула девушка, не отрываясь от конспектирования.

— Репетиция завтрашней свадьбы Сириуса и Нарциссы, — напомнил Драко. — Начать собираться тебе стоило, мягко говоря, еще час назад. Прическа, макияж и все такое, ну, знаешь...

Гермиона неопределенно хмыкнула.

— Долго ты еще здесь? — повторил он свой вопрос.

— Нет, — солгала она, думая о том, что ради лишней минуты, проведенной в компании "Продвинутого уровня Зельеварения" Дорика Сликтона, можно разочек сказать неправду.

— Ага, я поверил. Почти.

Он опустил руки, подошел ближе и сел за стол напротив нее. В воздухе повеяло соблазнительным ароматом, слегка кружившим голову. Лимонный сок, перец, ночная прохлада и еще... он сам.

— Грейнджер, — обратился он к ней по своему прежнему обычаю. — Эта книга никуда отсюда не денется. Если хочешь, я и вовсе тебе ее подарю.

Серебряная чернильница, задетая резким движением, со стуком очутилась на полу, забрызгав его темной синевой. Драко протянул руку и, не издав ни звука, в ту же секунду очистил пол и вернул чернильницу обратно.

— Подаришь? Ты мне ее подаришь? — казалось, Гермиона начала задыхаться. —

Драко, ты в своем уме? Ты хоть знаешь, что это такое?

Он пожал плечами:

— Обычная книга.

— Обычная? Обычная??? — похоже, Грейнджер завелась не на шутку. — О, нет! Ты даже не представляешь, как сильно заблуждаешься! Это не обычная книга. Это последние исследования в сфере зельеварения. Эта книга еще пишется — ее практически нет. В печатном виде, по словам профессора Снейпа, существует лишь пять предварительных экземпляров, два из которых — у самого Сликтона. Ты знаешь, сколько она стоит? Знаешь?

— Ну, хорошо, — миролюбиво заявил Драко, откидываясь на спинку стула. — Я понял: это очень редкая, чрезвычайно важная и безумно дорогая книга. Но какое это имеет отношение к тому, что я хочу тебе ее подарить?

Гермиона с явным недоумением на лице немо взирала на Малфоя. Затем наколдовала чернила, опустила голову и продолжила писать. А через пару секунд отчеканила:

— Такое, что я никогда и ни за что не приму столь дорогой подарок.

Некоторое время они молчали — слышно было лишь ее раздраженное сопение и скрип пера.

— Есть еще один вариант.

Она продолжала писать, не поднимая головы — рассчитывала, что он и так скажет.

Конечно же, ничего подобного не произошло.

Гермиона торопливо взялась складывать канцелярские принадлежности — еще чуть-чуть и выговор за опоздание ей, и правда, гарантирован. Хорошо, что она довольно неплохая волшебница — будет полностью готова минут через пятнадцать.

— Что же ты предлагаешь? — скорее из вежливости, чем из интереса уточнила она, поворачиваясь к парню.

Целую долгую минуту он просто смотрел ей в глаза. Затем, не меняя позы, медленно продолжил:

— Она станет такой же твоей, как и моей. Ты сможешь делать с ней все, что захочешь.

Она удивленно вскинула брови, предлагая ему конкретизировать свою мысль.

Секунда молчания.

— Выходи за меня замуж.

На нее словно вылили несколько литров ледяной воды. В ушах раздался звон, сердце забыло о своем предназначении и остановилось, дух перехватило — полжизни за глоток воздуха...

Беспомощно барахтаясь в холодной глубине его глаз, она пыталась ухватиться за обрывки рассудка.

Он ведь шутит, да? Он шутит?

А выглядит абсолютно серьезным.

Время остановилось, а затем спохватилось и понеслось вскачь. Секунды убегали, догоняя минуты, а она все так же потрясенно молчала. Уникальный случай — мозг Гермионы Грейнджер не мог выдать ни единой мысли.

Не меняя выражения лица, Драко неспешно поднялся и вышел, сопровождаемый абсолютной тишиной. А она так и осталась сидеть за столом. Ничего не изменилось. Абсолютно ничего не изменилось. Разве только сердце так и не начало стучать. У нее больше не было сердца. Оно утонуло, плавно опустившись на дно его серых глаз.

* * *

Она носилась по комнате как ловец, заметивший снитч. Вещи летали хаотично, но в чемодан укладывались в строгом порядке. Останови ее сейчас кто-нибудь и поинтересуйся, что она творит, вряд ли бы добился вразумительного ответа. Единственное, что она знала и в чем сейчас была полностью уверена — он ей нужен. И — Мерлин дай ей силы! — впервые в жизни, ей было по-настоящему наплевать на все остальное. Пусть мир рухнет — она не отступит, пока не выяснит, что, черт возьми, происходит между ними и что, на самом деле, он к ней чувствует.

Она сама толкнула его в объятия другой — практически подарила. А теперь собиралась отвоевать обратно. Она найдет его, даже если придется исколесить весь мир. Но для начала упростит себе задачу и заглянет к той, которая вполне может быть осведомлена, где именно нужно искать. Придется затолкать совесть на дно сознания и использовать весь свой актерский потенциал — информацию нужно выведать, не вызывая лишних подозрений.

Чемодан со щелчком захлопнулся, услужливо ткнувшись ручкой хозяйке в руку.

Последний штрих — на стол легла записка с заверениями о скором возвращении. Взамен нее в руки перекечевала полученная вчера колдография. Белый песок, синее море, разноцветные пальмы и подпись: "Привет из жарких краев!" — она понятия не имела, что это за место, но этого и не требовалось. Главное, что на колдографии было четко видно белоснежный двухэтажный дом, с порога которого ей приветливо махала рукой рыжеволосая девушка.

Пару секунд на контрольный осмотр деталей. Рука сжимает палочку, и глаза закрываются, но дом никуда не исчезает — картинка, запечатленная в мозгу, постепенно материализуется.

Медленно, но верно появляются знакомые ощущения — ее словно сдавливают со всех сторон железными обручами, и на секунду становится нечем дышать. А в следующий миг она уже стоит перед дверью небольшого симпатичного домика, точь-в-точь, как на колдографии, которую все еще сжимает в руке.

Здесь, наверное, очень красиво, но ей сейчас не до этого — от волнения пересохло в горле, а от избытка адреналина, выброшенного в кровь во время аппарации, мелко дрожат руки. Она поднимает одну из них, собираясь постучать, не замечая, что висящая над дверью композиция из ракушек уже несколько секунд мелодично позвякивает, извещая хозяев о прибытии гостей. Кулачок зависает в воздухе перед дверью, рывком распахнувшейся изнутри.

Такого поворота она не ожидала. Как бы там ни было, но она совсем не готова была встретить его здесь. Последние искры ее боевого запала зашипели и погасли под взглядом знакомых серых глаз.

— Драко?! — удивленно ахнула она.

Глава опубликована: 24.08.2014

Глава IV. О любовных метаниях

Минуту они стояли, молча разглядывая друг друга. Гермиона — с недоверием и радостным удивлением, Драко — безучастно, равнодушно, словно отгородившись. Впервые при взгляде на него Гермиона невольно сравнила его с неким Ледяным Принцем,

околдованным мальчиком Каем, и ей показалось, что не в ее силах было спасти его. Она вдруг осознала, насколько сильно ее желание дотронуться до Драко, обнять его, почувствовать, как их измученные сердца бьются в унисон. Но она не могла — страх окутывал ее тоненькую фигурку, пробирался в душу: как он отреагирует? Сможет ли отпустить печальное прошлое, уступая место счастливому настоящему?

— Может быть, позволишь мне войти? — спокойно спросила Гермиона, стараясь ничем не выдать свое волнение.

Драко, по-прежнему не говоря ни слова, отошел от двери, пропуская ее в дом.

Здесь было красиво и тепло. Лучи солнца приветливо заглядывали в круглую комнату, обставленную просто и со вкусом. Распустившиеся цветы на подоконнике, открытые настежь окна, впускавшие в комнату влажный морской воздух, стол с фруктами, разложенными в продолговатые вазы — все это создавало уют, который так был необходим Гермионе. И она сразу почувствовала, как некий аромат счастья и любви витает в воздухе. Но не она была тому причиной. Не для нее было все это — этот хорошенький домик, эта гостеприимная комната; не для нее здесь был этот красивый и холодный юноша. Та, что купалась теперь в блаженстве юношеских чувств, с огненными кудрями, рассыпанными по спине, в летнем ярком сарафане и с беззаботной улыбкой спускалась вниз по лестнице к ним, и Гермионе показалось, что это не Джинни Уизли, а сам рыжеволосый ангел счастья сошел с небес.

— Гермиона, мы так рады, что ты приехала! — воскликнула Джинни и с жаркими объятиями бросилась к девушке.

Мираж рассеялся — перед ними снова была веселая и земная Вирджиния Уизли, но Гермиона теперь не могла отделаться от мысли, что, несмотря на такой радушный прием со стороны подруги, Драко не разделяет ее радости. Судя по его взгляду, пустому и холодному, когда он посмотрел на нее, и наполненного любовью, когда он перевел глаза на Джинни, Гермиона поняла — она здесь лишняя. Горький комок сжался в горле, но она взяла себя в руки и позволила подруге проводить себя наверх.

Они прошли в комнату Джинни, уютную и солнечную, с самодельными рисунками на стенах, с огромными стеклянными дверьми, ведущими напрямик на веранду — нечто вроде летнего сада; с небольшим, но достаточным количеством мебели — обитая белой кожей кушетка, выполненный из светлого дерева и потому идеально вписывающийся в атмосферу комнаты мебельный гарнитур. В углу находилось большое зеркало, в котором можно было лицезреть себя целиком. Комната была довольно просторной и вместительной, но казалась меньше по причине того, что по всей ее площади были разбросаны вещи и предметы гардероба.

— Гермиона, прости, пожалуйста, за беспорядок — мы с Драко собирались купаться, а я никак не могла найти свой пляжный сарафан, — немного виновато сообщила Джинни. — Надеюсь, ты прихватила с собой все необходимое для купания? Сейчас жара в самом разгаре, а я очень люблю наслаждаться прохладой морской воды в такое время. Идем на пляж.

Гермиона рассеянно кивнула, пропустив половину слов подруги; в ее голове до сих пор звучала фраза: "Мы с Драко".

— Ладно, вы собирайтесь, а я уже иду, — весело сказала Джинни, схватив свою кофровую сумку, и выбежала из комнаты.

Повисшее в воздухе молчание, которое, казалось, было настолько тяжелым, что его

можно было даже осязать на кончиках пальцев, затянулось. Первым нарушил тишину Драко.

— Зачем ты приехала, Гермиона? — спросил он, и в его голосе послышалась глухая боль. Он старался не смотреть ей в глаза, делая вид, что его вдруг отчаянно заинтересовали рисунки, висевшие на стене.

— Просто хотела повидаться, — солгала Гермиона, понимая, что время для объяснений еще не наступило. — Как Гарри?

— Уехал с близнецами в город и вернется только вечером, — сухо ответил Драко, стараясь, чтобы голос его не выдал.

— Как вы отыскиали это место? — Гермиона скрестила руки на коленях, стараясь унять в них дрожь.

— Заклинание Инвениэс, которому меня научила ты, наложенное на открытку Джинни. Правда, по пути мы провалились в какие-то странные подземелья, но благодаря Поттеру и его знаменитому героизму отыскиали путь наверх. В остальном все было просто замечательно, — ответил Драко и слабо улыбнулся собственным словам.

— Драко, я ... — начала было Гермиона, но он грубо оборвал ее.

— Прошу тебя, сейчас не время. Я понимаю, зачем ты приехала, но, увы, уже слишком поздно.

Гермиона накрыла его руку своей ладонью и слегка сжала ее.

— Еще во время свадьбы мамы и Сириуса ты могла все изменить. Все было еще возможно, когда мы с Гарри собирались уезжать в путешествие, но не теперь. Я никогда не говорил тебе, почему все-таки отступил и выбрал Джинни, поэтому скажу сейчас. Моя любовь к Джинни — это бесконечная благодарность, это искреннее восхищение, это дружба. Любовь к Джинни — мой единственный шанс на спасение. Моя любовь к тебе, Гермиона, — это страсть, желание обладать, желание провести с тобой вечность. Но это также страдания — путь сквозь тернии и отнюдь не к звездам; борьба за тебя, за твои сомнения и метания. Лишь с Джинни я способен обрести истинное счастье и благодать.

Гермиона сидела, оглушенная словами Драко, этой неожиданной исповедью, не в силах поднять взгляда и посмотреть на него. Он вдруг приблизился к ее лицу, наклонился к ее губам и коснулся их своими.

Поцелуй его был легок и невесом, словно полет бабочки, словно мимолетное прикосновение ветра. Гермиона застыла, не смея ответить на него. Затем Драко провел ладонью по ее щеке, погладил подбородок и опустил руку.

— А теперь пойдём на пляж к Джинни и сделаем вид, что ничего не произошло. Ты ведь тоже прекрасно понимаешь, Гермиона, что мы с тобой не в силах сделать несчастными людей, которые любят нас. Мы предпочитаем страдать сами, — он встал с кушетки и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Гермиона сидела несколько минут, не смея и шевельнуться, а затем взяла сумку и принялась складывать вещи для купания.

* * *

Гарри с близнецами приехали поздно вечером. Все уже отдыхали, лишь одна Гермиона дала себе слово дожидаться их приезда. Ей необходимо было повидаться с Гарри, почувствовать тепло его прикосновений и успокоить саму себя.

Едва зайдя в дом, Гарри поспешил на кухню. Драко послал ему записку, предупредив о приезде Гермионы. Закутавшись в одеяло, та сидела у окна с дымящейся чашкой кофе в

руках. Увидев ее, Гарри не в силах был сдержать возглас бесконечной радости. Он поднял Гермиону на руки, закружил по кухне, а потом расцеловал ее.

Они долго разговаривали, перемежая беседу нежными объятиями и поцелуями, а затем поднялись по лестнице наверх, держась за руки. Гермиона была почти счастлива — да, пусть ее любовь к Гарри скорее походила на дружескую, чем на страстное чувство, но сейчас девушка ощущала себя нужной и защищенной, а больше в тот момент ей и не требовалось.

Пройдя в комнату, Гарри стал разбирать привезенные вещи, а Гермиона решила полюбоваться ночным видом и выглянула в окно. А зря. Там, на асфальтированной дорожке, которая вела к дому, одиноко стоял Драко. Гермиона и не заметила, как умиротворенное настроение живо улетучилось, а ноги уже сами несли ее прочь из комнаты.

— Я сейчас, — сказала она Гарри, легонько поцеловав его в губы, и выбежала на улицу.

Драко обернулся на звук шагов Гермионы. В свете луны он был еще прекраснее — она высветила его серебристые волосы, положила мимолетные тени на лицо, а серые глаза, в которых блестели едва заметные слезинки, сделала еще ярче. Он снова стал похож на того Драко, каким был во время болезни, и у Гермионы невольно сжалось сердце. Она подбежала к нему, обняла его и положила голову ему на грудь.

Я просто хочу, чтобы ты знал, Драко, — прошептала она. — Я люблю тебя, как никого другого, и буду любить вечность. Когда я не знала тебя, мне казалось, что Гарри и есть тот единственный, в ком я нуждаюсь; тот единственный, с кем я буду счастлива и которого буду любить больше жизни. Но я ошибалась, ведь только встретив тебя, я наконец поняла, что дружеская, сестринская любовь, которую я испытываю к Гарри — еще не все, я наконец осознала, что этого недостаточно. Драко, ты для меня больше, чем целый мир, ты для меня — Вселенная. Ты для меня воздух, ветер, солнце, безоблачное утро и таинственная ночь — и без тебя я не мыслю своего существования.

Драко взял ее за подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

— Я знаю, Гермиона. Я знаю, милая моя девочка, и, поверь, я чувствую то же самое. Но уже слишком поздно, и ты должна понять это.

— Полюбив, Драко, ты заставил меня полюбить в ответ, а теперь, когда я пришла к тебе, измученная и растерзанная этой любовью, когда я сдаюсь тебе, победителю в этой неравной схватке, ты отталкиваешь меня. Ты не хочешь и боишься сделать несчастными людей, которые любят нас и ради этого ты готов разбить сердце мне и сломать мою жизнь. Я не позволю тебе этого, слышишь? Не позволю! Я буду бороться за нас, Драко, и ради нас. И я смогу.

Гермиона резко развернулась и пошла прочь. Прочь от этой ночи, от мыслей и чувств. Прочь от Драко. Она забежала в дом, захлопнув за собой дверь, и еще долго стояла, прислонившись лбом к дверному косяку. Гермиона вдруг почувствовала себя необыкновенно уставшей, будто все ее силы были потрачены на это так тяжело давшееся ей признание. Слез не было — только зияющая пустота внутри.

Пустота там, где должно было находиться ее счастье.

Глава опубликована: 15.06.2015

Глава V. О любовных метаниях – 2

Следующие несколько дней Гермиона провела в компании Гарри, наслаждаясь летним отдыхом и разрабатывая так называемый "план действий". Она твердо решила бороться за

свою любовь, однако сбить Драко с выбранного пути было непростой задачей. Совета Гермионе спросить было не у кого, потому она пустила все на самотек и стала ждать удобного случая для начала этих самых "действий".

И вскоре он представился. Через пару дней малфоевский филин принес письмо от Нарциссы. Она писала, что необходимо уладить некоторые юридические дела, касающиеся смерти Люциуса, а для этого нужен Драко. Гермиона решила, что само Провидение благоволит к ней и дает шанс на победу в этой любовной игре, которую она сама и затеяла. Безусловно, Гермиона понимала, что Драко будет не в восторге от ее идеи ехать с ним, потому-то и объявила о ней при всех сразу после коллективного чтения письма.

— Я тоже поеду, — спокойно сказала она, стараясь не выдать радостного волнения. — Все равно я собиралась скоро возвращаться в Малфой-мэнор для подготовки к вступительным в Академию, а порталы отсюда, к сожалению, не работают.

Ответом ей была нерешительная тишина. Одна лишь Джинни поддержала инициативу подруги, хотя ревность, обуревавшая ее с первой минуты приезда Гермионы, снова дала о себе знать. Однако Джинни отогнала ее прочь, уверенная, что Драко не сможет так с ней поступить.

— Прошу прощения, но мне кажется, что нам с Гермионой стоит обсудить некоторые детали, — подал голос Малфой.

Сказанное прозвучало довольно едко — Гермиона поняла, что поддержки со стороны Драко во время этой поездки ждать не придется.

— Предлагаю поговорить в коридоре, — продолжил Малфой, жестом руки приглашая ее выйти за дверь.

Едва та закрылась, он обрушил на Гермиону все свое недовольство.

— Думаешь, я не понимаю, зачем ты, в конечном счете, возвращаешься в мэнор? Дело вовсе не в подготовке к экзаменам, да? С одной стороны, ты, вроде как, совершаешь благородный поступок, согласившись помочь нам расправиться с юридической волокитой, а с другой... Это всего лишь повод. Я более чем уверен, что ты собираешься воспользоваться представившимся случаем, чтобы склонить меня на свою сторону. Ты не права. Тебе не хуже моего известно — если я выбрал путь, никто не в силах сбить меня с него, — Драко перевел дыхание и почти неслышно добавил: — Даже ты.

— Ты меня недооцениваешь, — с улыбкой ответила Гермиона. Она решила изменить тактику, руководствуясь теперь уже не любовью, а соображениями разума. — Я действительно возвращаюсь в мэнор, чтобы подготовиться к вступительным в Академию. Ты же понимаешь, насколько это важно для меня — набрать высший балл по всем необходимым предметам. А что касается помощи — я сделаю все, что смогу и что от меня потребуется. Мы же друзья, верно?

Драко нерешительно смотрел на нее, пытаясь понять столь резкую перемену ее настроения.

"Явно что-то задумала", — мысленно заподозрил он, но виду не подал.

Гермиона протянула руку, и он пожал ее и еле заметно поднял уголки губ, создавая видимость улыбки.

— Отлично. Тогда я пойду паковать вещи, — довольная состоявшимся разговором Гермиона развернулась и поспешила в свою комнату.

На самом деле, плана как такового у нее все еще не было, но она не особенно переживала по этому поводу. Уже несколько раз она задумывалась над словами Джинни о

Гарри — о ее детской любви к нему, о явном восхищении и гордости за него. Сыграть на старых, всеми забытых чувствах Джинни — вот что Гермiona хотела сделать. Гарантированного успеха в данном мероприятии быть не могло, но она надеялась на собственную смекалку. А еще — чего греха таить — на обычное везение. К тому же, она была более чем уверена, что, несмотря на все уверения Драко, ничего еще не кончено.

* * *

Джинни бесцельно бродила по дому. Ей безумно хотелось поговорить с Драко и окончательно объясниться, но что-то удерживало ее. Боясь в который раз потерять его, она корила себя за излишнее неверие и подозрительность. В конце концов, не выдержав гнета неизвестности, Джинни постучалась к нему и, не получив ответа, вошла. Драко стоял у окна, и, по всей видимости, не услышал ее шагов.

— Драко! — тихо позвала она.

Он обернулся.

На его лице застыло отрешенное выражение — он словно смотрел сквозь Джинни. Ей вдруг припомнился тот случай, когда она заглянула к Драко во время свадьбы в мэноре. На ум снова пришли слова, которые они тогда сказали друг другу, и его признание, — поразившее своей искренностью. Сейчас все было по-другому — он уезжал в мэнор с Гермियोной, и неважно, что они были теперь лишь друзьями. А друзьями ли? Этот вопрос терзал Джинни, но она так и не решалась задать его. Подойдя к Драко, она положила руку ему на плечо.

— Ты в порядке? — спросила Джинни, понимая, как глупо прозвучал ее вопрос.

— Ты спрашиваешь, в порядке ли я? — переспросил Драко с горькой усмешкой. — В каком я могу быть порядке, если мне предстоит ехать в мэнор с девушкой, которую я желал бы забыть и никогда более не вспоминать? Любовь к которой я хотел бы без сожаления вырвать из своего сердца... С девушкой, которая ворвалась в мою жизнь, словно ураган, не спросив на то разрешения... Как думаешь, Джинни, могу я быть в порядке после такого?

Джинни замерла, будучи не в силах пошевелиться. Получается, он лгал ей, когда говорил, что с Грейнджер покончено? Лгал, когда говорил, что любит лишь ее, Джинни Уизли, и лишь она занимает теперь все его мысли?

— Ты лгал мне, Драко? — тихо спросила она.

Ее рука медленно соскользнула с его плеча.

— Я никогда не лгал тебе, Джинни, я не смог бы солгать девушке, которая спасла мою ничего не стоящую жизнь. Я действительно хотел покончить с этим вымученным чувством к Гермione и я вправду верил, что у меня получилось. До тех пор, пока она не приехала. Вновь взглянув на нее, вновь почувствовав ее тепло и ее губы на своих губах, я понял одну непреложную истину: такую любовь, какую я испытаю к ней, нельзя заглушить или заставить исчезнуть. Любовь к ней стала частью меня, частью моего сердца, моей души, и, даже умерев, я не перестану любить Гермionу Грейнджер. Я не хотел говорить тебе этого, Джинни, потому что не хотел разбивать тебе сердце. Ты думаешь, что я лгал, когда говорил, что люблю тебя — это не так, — он покачал головой. — Я люблю тебя, но совершенно иной любовью — любовью благодарности, восхищения, даже преклонения перед тобой. Но ведь это — еще не есть все.

Драко высказал все, что так сильно мучило его в последние дни, и замолчал. В комнате воцарилась глухая тишина. Они оба осмысливали случившееся и решали, что делать дальше.

Наконец, Джинни отважилась ответить.

— Знай, Драко, — я приму любой твой выбор, — она говорила по-прежнему тихо, но куда увереннее прежнего. — Если ты выбираешь ее — иди, и я не смею тебя удерживать. Я люблю тебя, Драко, и, наверное, буду любить всегда, но после твоего откровения это перестало быть главным. Я докажу тебе, Драко Малфой, что смогу стать счастливой и без тебя. И я искренне порадуюсь, если ты — человек, который вечно мечется, не зная, чего он хочет на самом деле, — найдешь свое счастье. Я отпускаю тебя. Но прошу только об одном: не чувствуй себя виноватым передо мной. Ты поступил честно, и я благодарна тебе за это, — Джинни приподнялась на цыпочки и коснулась губами щеки Драко.

А затем развернулась и вышла из комнаты, ни разу не оглянувшись.

* * *

Гермиона и Драко уехали на следующий день. Ни он, ни Джинни так и не рассказали остальным о своем расставании, решив придержать эту информацию до более подходящего случая. Драко все еще сомневался в себе и в своих чувствах, Джинни тоже пока еще не со всем разобралась.

Сразу после их отъезда она рассудила, что ей просто необходимо развеяться и хотя бы ненадолго позабыть о том разговоре. Позади дома расстилалась довольно большая песочная поляна с воротами для игры в квиддич, и Джинни предложила поиграть — благо, они прихватили с собой метлы. Они разделились: Джинни с Фредом против Гарри и Джорджа.

Едва поднявшись в воздух, Джинни почувствовала себя в своей стихии — она проделала вираж Вронского и звонко рассмеялась.

Гарри с улыбкой наблюдал за ней, и у него неожиданно появилось ощущение, будто сегодня он посмотрел на нее иными глазами и увидел то, чего раньше в упор не замечал. Например, он обнаружил, что когда Джинни улыбается, у нее на щеках появляются очаровательные ямочки; что ее волосы отливают на солнце огненным блеском, а в глазах время от времени появляется лукавое выражение. Гарри невольно вспомнил их первую встречу на вокзале Кингс-Кросс. Ему тогда было одиннадцать, ей — десять. Всю дорогу она то смеялась, — потому что встретила самого Гарри Поттера, — то плакала из-за того, что не может вместе с ним поехать в Хогвартс...

Гарри с Джорджем проигрывали. Неожиданно Джинни подлетела к Гарри и ободряюще хлопала его по плечу, игриво подмигнув. И ему вдруг стало отчаянно неловко... Он покраснел. К счастью, близнецы объявили перерыв — они проголодались и решили перекусить.

Гарри и Джинни остались на поляне. Он следил за Джинни издали, пытаясь себе напомнить, что скоро приедет Драко, и они отправятся в запланированное путешествие. А потом они вернутся к мэнор к Сириусу, Нарциссе и, самое главное — к Гермионе. Гарри был уверен, что стоит ему снова увидеть Гермиону, наваждение от Джинни схлынет само по себе, и все снова будет, как раньше.

Через пятнадцать минут близнецы вернулись, и они вчетвером продолжили игру. Гарри снова исподтишка наблюдал за Джинни. Непонятно почему, но в его душе вдруг появилось смутное чувство, словно он глубоко ошибается.

После сегодняшней игры ничего уже не будет по-прежнему.

Глава опубликована: 17.06.2015

Глава VI. О сложности выбора

Едва ступив на порог дома, Драко и Гермиона попали в крепкие объятия Нарциссы.

— Мои дорогие, я так рада, что вы вернулись! — просияла она. — Не поверите, но я уже успела соскучиться. Устали, наверное? — Нарцисса озабоченно нахмурилась, переводя взгляд с Драко на Гермиону, но тут же снова улыбнулась. — Мистер Томпсон придет через час; мы будем ждать вас в библиотеке. А пока — идите отдохните.

Она взяла Драко под руку.

— Похудел, — тихонько шепнула ему на ухо.

Он закатил глаза.

— Мама, не говори ерунды! Меня не было всего несколько дней.

Гермиона улыбнулась и повернулась к своим чемоданам.

— Не беспокойся — я прикажу Тинки отнести все наверх, — махнула ей Нарцисса. — Иди ко мне, — она взяла Гермиону под руку с другой стороны.

Так они все вместе и вошли в холл.

— Я поднимусь к себе разбирать вещи, если вы не против, — улыбнулась Нарциссе Гермиона. — Драко, — кивнула она, — увидимся позже.

Сдержанно кивнув в ответ, он проводил ее рассеянным взглядом.

Нарцисса снова нахмурилась.

— Все в порядке? — уточнила она, с тревогой вглядываясь в лицо сына.

Драко не сразу понял, что к нему обращаются.

— Что? А, да, мам, все хорошо, — поспешил он успокоить ее и тут же чуть виновато улыбнулся. — Проголодался дико.

— Мой мальчик, — умильно погладила Нарцисса его по щеке. — Сейчас я все организую.

Драко благодарно кивнул.

— Спасибо.

Она тут же помчалась на кухню.

— Мам!

Нарцисса обернулась.

Секунду Драко просто молча смотрел на нее.

— Я тоже соскучился, — тихо произнес он.

В ее глазах блеснули слезы — однако Нарцисса попыталась скрыть их за счастливой улыбкой. Кивнув сыну, она быстрым шагом направилась к двери.

Драко лукавил. Не так уж и голоден он был. Просто хотел немного побыть один — прийти в себя и собраться с мыслями. Потому-то и отправился на прогулку по мэнору. Сейчас он мог думать лишь о предстоящем выборе. Несмотря на ссору с Джинни, Драко верил в их примирение. Слишком сильно она его любила, чтобы вот так просто отказаться от возможности быть рядом с ним. С другой стороны, неужели он готов ради счастья Джинни пожертвовать своим собственным?

"Призрак Гермионы всегда будет стоять между нами, будто невидимый барьер", — мрачно подумал Драко.

Он не видел выхода, не видел спасения. Он любил Гермиону больше жизни, просто не осознавал раньше, что единственным настоящим препятствием на пути к ней является его собственный эгоизм и полная неготовность к серьезным поступкам. Быть с Гермионой —

означало отдать ей всего себя: свои душу и сердце, все свое существо — на меньшее она не согласилась бы. Быть с Джинни было гораздо проще и легче — она ничего не требовала, беспрекословно подчинялась ему и готова была жертвовать чем угодно во имя его блага.

Джинни была почти рабой, Гермиона — милостивой и любящей, но королевой. Джинни любила отдавать и повиноваться, Гермиона — брать и властвовать. Как раз этого Драко и боялся, но, в то же время, это его восхищало, пробуждая охотничий азарт и неукротимое желание завоевать и подчинить ее во что бы то ни стало.

От своих нелегких мыслей он очнулся лишь тогда, когда его окликнул по имени знакомый мужской голос.

С удивлением оглянувшись, Драко обнаружил, что находится в западном крыле мэнора, а голос, что позвал его, принадлежит Люциусу Малфойю, а точнее — его портрету.

Художник изобразил Малфоя-старшего сидящим в большом кожаном кресле. На Люциусе была темная бархатная мантия, резко контрастировавшая с цветом его светлых волос, схваченных черной шелковой ленточкой.

"Словно в трауре по самому себе", — подумал Драко, разглядывая печальное лицо отца. Вслух же сказал:

— Я вижу, отец, ты и сейчас не можешь оставить меня в покое.

Прозвучало зло и жестко, но Драко и не собирался быть любезным.

Несколько секунд Люциус молча смотрел на сына, а затем произнес:

— Это ни в коей мере меня не оправдывает, но я хочу, чтоб ты знал: мне действительно горько вспоминать поступки, которые я совершил при жизни. В свою защиту могу сказать, что я все же не до конца повинен в них — на мне было заклятие Темного Лорда, и я не осознавал, что творил, — на миг он притих, а затем еле слышно добавил: — Я прошу у тебя прощения, Драко. И я знаю, насколько это непросто. Мне и самому нелегко принять то, кем я был последние восемнадцать лет.

Минуту Драко пораженно молчал. Странно, но вся злость и обиды, копившиеся в нем годами, словно исчезли. Сейчас он не чувствовал ничего, кроме усталости.

— Я дарю тебе прощение, отец.

Он не мог поверить, что сказал это.

Люциус, видимо, тоже не ожидал — он вскинул удивленный взгляд на сына.

Драко безразлично отвел глаза в сторону.

Некоторое время оба безмолвствовали.

— Благодарю тебя за проявленное великодушие, — произнес наконец Люциус.

В ответ Драко лишь повел плечом, продолжая преувеличенно-заинтересованно разглядывать портрет одного из предков.

— Я рад, что ты сюда зашел, — продолжил Малфой-старший. — Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Драко машинально повернул голову, встретившись с отцом взглядами.

— А это часом никак не связано с приездом нашего управляющего? — высказал он догадку.

Люциус кивнул.

— Речь пойдет о моем завещании. Я написал его сразу после твоего появления на свет. Будь у меня такая возможность, я бы с удовольствием изменил его, но — увы...

— На что ты намекаешь, отец? — насторожился Драко, инстинктивно предчувствуя подвох.

Люциус молчал — так, словно не решался озвучить свои мысли.

— В завещании сказано, что мой наследник обязан вступить в брак через год после своего совершеннолетия. В противном случае, вся моя собственность, — включая родовой замок Малфоев, в котором ты сейчас находишься, — перейдет во владение Министерства.

Драко застыл, будто громом пораженный.

— Зачем? — наконец спросил он. — Зачем ты это сделал?

Теперь настала очередь Люциуса отводить глаза.

— Я хотел быть уверенным, что мой род непременно продолжится, — тяжело вздохнул он. — К сожалению, сейчас я уже ни на что не могу повлиять. Тебе исполнилось восемнадцать, и это значит, что тебе придется жениться. Если ты, конечно же, не собираешься отказаться от наследства. Ты ведь не собираешься, Драко? — встревоженно переспросил Люциус.

Драко молчал. Получается, если он в ближайшее время не сыграет свадьбу, то лишится всего? А как же мама? Да и он сам, если на то пошло... На раздумья времени не было. Придется все решить здесь и сейчас.

— Нет, отец, не собираюсь, — твердо произнес он, вскидывая подбородок.

Люциус облегченно вздохнул.

— Насколько я понял, тебе несложно будет определиться с выбором. Итак, Драко: мисс Уизли, или мисс... Грейнджер, — запнулся он. Казалось, Малфой-старший по старой привычке едва не назвал Гермиону грязнокровкой. Сейчас это было бы совсем некстати. — Кто станет твоей женой и матерью твоего наследника, полностью зависит от тебя, — закончил он.

Драко задумался. Каких-нибудь двадцать минут назад он размышлял почти о том же, но даже не догадывался, что выбор предстоит сделать так скоро.

В ожидании ответа Люциус принялся нетерпеливо постукивать пальцами по подлокотнику кресла.

— Скажи честно, Драко, ты любишь ее? — не выдержал он.

— Кого? — удивленно переспросил тот.

Люциус картинно закатил глаза — точно так же, как частенько это делал и сам Драко.

— Грейнджер, конечно же, — фыркнул он.

Драко нахмурился.

— Отец, к моему великому сожалению, ты не являешься одним из тех людей, с кем я пустился бы в подобные откровения, — резко ответил он.

Малфой-старший смиренно опустил голову.

— Ты абсолютно прав, сын, но... просто я не хочу, чтобы ты совершил ошибку, по неосторожности разрушив свою жизнь.

Драко остолбенел. Надо же — его отцу понадобилось умереть, чтобы наконец начать заботиться о своем сыне.

— Хорошо, — недовольно проворчал он. — А если я и люблю ее, то что с того?

— Не упусти свою любовь, — серьезно посоветовал Люциус.

Брови Драко взметнулись вверх.

— Ты же отпустил свою.

Он и сам не знал, зачем это сказал. Наверное, из духа противоречия. Кроме того, Драко никак не мог прийти в себя от осознания того факта, что его отец-магглоненавистник советует ему выбрать себе в жены магглорожденную волшебницу.

— Я не отпустил Нарциссу, Драко, — возразил Люциус. — Я потерял ее. Потерял в тот самый миг, когда согласился беспрекословно исполнять волю Темного Лорда. Если ты не найдешь в себе силы преодолеть собственные страхи, ты тоже потеряешь свою любовь.

Драко, не мигая, смотрел Люциусу в глаза — впервые так долго и без привычного вызова в обычно мятежном взгляде.

С самым серьезным видом он кивнул отцу и зашагал прочь.

Выбор сделан.

* * *

Гермиона сидела на полу, разбирая вещи, и думала о чем-то своем, когда в ее комнату, даже не изволив постучаться, ворвался Драко. Он замер в проходе, неотрывно глядя в ее округлившиеся глаза.

— Что случилось? — вопросительно подняла она брови.

Драко словно очнулся. Аккуратно прикрыв за собой дверь, он подошел ближе и опустился на пол; скрестив ноги по-турецки, уселся напротив Гермионы и протянул руку, заключив ее теплую ладонь в свою.

Гермиона растерянно хлопала ресницами, пытаясь понять, что происходит.

Драко чуть сильнее сжал ее пальцы — казалось, он нервничает.

— Выходи за меня замуж.

Вот если бы сейчас на Гермиону обрушился сноп искр, она удивилась бы куда менее. Что у нее со слухом? Ей показалось, что Драко сказал...

— Что? — сипло переспросила она, не в силах даже моргнуть.

Драко сжал челюсти — на скулах заходили желваки.

— Гермиона Джин Грейнджер, согласна ли ты стать моей женой?

Нет, ей не показалось. Он, и в самом деле, предлагает ей... Сердце радостно зашло — слова согласия уже почти слетели с ее языка... но...

С чего вдруг такие перемены? Она ведь даже еще не начала за него бороться, а он уже сдался. Сам. Что-то тут нечисто. Гермиона нахмурилась.

— Что это означает? — настороженно спросила она, вглядываясь в серые глаза Драко, словно пыталась отыскать в них логичное обоснование его, без сомнения, более чем странного поступка.

В ответ обладатель этих серых глаз лишь раздраженно вздохнул и покачал головой. Но руку Гермионы так и не отпустил.

— Я предложил тебе выйти за меня замуж. Что еще, по-твоему, это может означать? — язвительно переспросил он.

Гермиона снова приподняла бровь.

— Я имею в виду: почему? Час назад ты... — запнувшись, она умолкла.

Час назад они вдвоем ехали в карете, и Драко всю дорогу делал вид, будто не замечает присутствия Гермионы.

— Час назад я был идиотом, — буркнул он. — Прости.

Она почувствовала, как из глубины души — вопреки ее собственной воле — рвется что-то теплое и нежное. Гермиона попыталась приглушить это непонятное чувство, но тщетно.

— Хорошо, — с трудом сохраняя серьезный вид, кивнула она. — А теперь, будь добр, объяснись.

Он нетерпеливо пожал плечами.

— Я только что говорил со своим отцом...

Гермиона застыла, ошарашенно глядя ему в глаза — кажется, она решила, будто Драко совсем тронулся умом.

— То есть, с его портретом, — с нажимом продолжил он, не сдержав улыбки. — Так вот, отец рассказал мне, зачем мистер Томпсон едет в мэнор. Речь действительно пойдет о завещании. Вернее, об условиях его исполнения. В частности, о том, что через год после своего совершеннолетия я должен буду жениться. Только так я смогу вступить в право наследования, — скороговоркой выпалил Драко.

Она задумалась на секунду — словно пыталась осмыслить услышанное.

— Гермиона, — тихо позвал Драко, поймав ее недоуменный взгляд. — В завещании ничего не сказано о том, кого я должен выбрать себе в жены, — он остановился, но лишь на секунду. — Это значит, что я волен выбрать того, кого люблю.

Гермиона нервно сглотнула — ей вдруг стало очень тяжело дышать. На миг опустив глаза, она тут же вскинула их, пытливо вглядываясь в его лицо.

— А...

— Нет, — перебил ее Драко, уверенно покачав головой. — Только ты. Всегда только ты. Смутившись, она снова опустила взгляд.

Драко сжал ее ладонь, привлекая к себе внимание.

— Ты сумасшедшая, если после всего, что между нами было, сомневаешься в том, что... — сбивчиво начал он, а затем умолк, неотрывно глядя ей в глаза. — ... я люблю тебя — просто и без предисловий заключил он.

Гермиона непроизвольно ахнула.

Время неслось, а они все так же сидели и неотрывно смотрели друг на друга.

— Гермиона... — начал, наконец, Драко.

Договорить он не успел, потому что она тут же накрыла его губы своими.

И он ответил. Не раздумывая. Потянулся к ней, усадил к себе на колени и крепко обнял.

Драко чувствовал, что задыхается, но совсем не от нехватки воздуха, нет — голова кружилась от счастья. Поцелуй оказался затяжным — страстное начало постепенно перетекло в чувственную, а затем — и нежную — фазы.

Гермиона и Драко — оба — властвовали и отдавали одновременно...

— Люблю... — скользнул он губами по ее шее.

Гермиона принимала его поцелуи, прикрыв глаза от удовольствия. Одной рукой она гладила его спину, а второй — ласкала затылок, притягивая Драко ближе к себе...

— Ну, так что скажешь? — хрипло шепнул он.

Она нехотя открыла глаза; страсть все еще будоражила ее кровь — припухшие от поцелуев губы были призывно раскрыты, дыхание вырывалось из легких неровными толчками.

— А о чем ты меня спрашивал? — лукаво уточнила она, будучи не в силах удержать улыбку.

Драко резко вскинул голову, оторопело уставившись на Гермиону.

— Издеваешься? — с чувством спросил он.

В ответ она лишь покачала головой, улыбнувшись еще шире.

— Нет. Просто каждый раз, когда ты меня целуешь, я словно куда-то улетаю и не могу сосредоточиться ни на чем другом...

Выражение его лица тут же изменилось — Драко довольно ухмыльнулся.

— Ничего сложного, — хмыкнул он, — учитывая, что я каждый раз спрашиваю тебя об одном и том же. Второй раз предлагаю, а ты опять не воспринимаешь мои слова всерьез...

Гермиона рассмеялась. Подняв руку, она погладила его по щеке.

— А ты спроси меня еще раз, — посоветовала она.

Драко внимательно посмотрел ей в глаза.

— Гермиона Джин Грейнджер, согласна ли ты стать моей женой?

Она не ответила. Просто молча глядела на него. Секунда за секундой.

— Гермиона? — удивленно приподнял бровь Драко.

— М-м-м.. что? — она все еще мягко касалась пальцами его щеки.

— Ты ответишь?

По выражению ее лица ничего нельзя было понять; казалось, она задумалась.

— Гермиона? — насторожившись, позвал Драко еще раз.

Внезапно ее лицо озарила счастливая улыбка.

— Что? — опять повторила она свой вопрос и тут же прибавила: — Вообще-то, приличная девушка непременно должна подумать над сделанным ей предложением.

— Ну, знаешь... — рассерженно прорычал Драко.

Но она лишь рассмеялась в ответ. Выскользнув из объятий, Гермиона обхватила ладонями его недовольное лицо и осыпала его поцелуями.

— Драко... Малфой... ты... просто... — она приникла к его губам в мимолетном поцелуе и, наконец оторвавшись, со всей серьезностью произнесла: — Драко, ты просто сумасшедший, если после всего, что между нами было, можешь думать, что я скажу тебе "нет". Даже не мечтай. Я хочу за тебя замуж. И выйду. И не надейся сбежать — я больше не отпущу тебя. Не отпущу, слышишь? — повторила она.

Как Драко ни пытался, а удержать счастливую улыбку все равно не смог.

— Значит, "да"?

Гермиона кивнула.

— Да. Я выйду за тебя. И Драко, — она изменилась в лице, миг став очень серьезной, — я давно хочу тебе это сказать... Я люблю тебя. Безумно. И очень жалею, что мне пришлось провести тебя через все эти страдания, чтобы наконец осознать, что я, действительно, люблю, — она снова его поцеловала. — Я. Люблю. Тебя.

Драко показалось, что мир вдруг стал очень тесным — он сжался до размера одного человека — девушки, которая только что так искренно призналась ему в чувствах.

Девушки, которую он уже больше никогда и ни за что не отпустит.

* * *

Мистер Томпсон оказался приятным пожилым мужчиной лет шестидесяти. Как человек деловой, он вознамерился сразу перейти к делу, но Драко вежливо прервал его.

— Простите, мистер Томпсон, но нам уже известно, по какой причине вы решили навестить нас. Речь идет о моем обязательном вступлении в брак, чтобы сохранить владения семьи Малфой, не так ли?

Управляющий согласно кивнул.

— В таком случае, позвольте представить вам мою невесту — мисс Гермиону Грейнджер, — спокойно кивнул ему Драко.

Гермиона покраснела и несмело улыбнулась.

Такого поворота событий никто, безусловно, не ожидал. В библиотеке воцарилась

абсолютная тишина. Однако через пару секунд все резко изменилось — Нарцисса, Сириус, а затем и мистер Томпсон принялись поздравлять влюбленных.

"Надо же, — вдруг подумала Гермиона. — А ведь именно здесь, в этой самой библиотеке, Драко сделал мне предложение в первый раз". Ей припомнилось, как сильно тогда она разволновалась — целый вечер не могла найти места, пытаюсь убедить себя, что он это несерьезно...

Собственно, на следующий день на свадьбе Сириуса и Нарциссы Гарри тоже предложил ей, Гермионе, руку и сердце. Однако тогда она ни капли не переживала — просто мягко отказала, сославшись на то, что они еще слишком юны для брака.

Вспомнив о Гарри, Гермиона на секунду замерла, скованная внезапно нахлынувшим чувством вины. "Все будет хорошо", — тут же успокоила она себя, с улыбкой продолжая принимать поздравления.

В первую очередь, Гарри — ее лучший друг. Он поймет.

И, кроме того, если Гермиона в чем и была уверена, так это в том, что не стоит недооценивать силу очарования Джинни Уизли.

Глава опубликована: 18.06.2015

Глава VII. О счастье и неожиданных откровениях

Весь следующий день после отъезда Драко и Гермионы Гарри не находил себе места. Игра в квиддич смутила его, взбудоражила его чувства, и некому было его успокоить. От Драко он получил лишь коротенькую записку, сообщавшую, что они благополучно добрались до мэнора. О Гермионе там не было ни слова — впрочем, это как раз Гарри еще мог объяснить. Только почему от самой Гермионы он не получил ни строчки, он не понимал. Зато Джинни с утра ушла к себе в комнату и долго читала чье-то длинное письмо.

Они с Джинни встретились за обедом — в доме больше не было никого, близнецы снова уехали в город. Гарри теперь чувствовал себя крайне неловко в ее присутствии — увиденное на игре не давало ему покоя. Вся Джинни — такая знакомая, но в то же время чужая, огненная, игривая, дерзкая — в один миг будто превратилась из обычной девчонки в сказочную фею.

Все в ней было чуждо ему, все неизведанно — эти голубые пронзительные глаза, смотрящие на него внимательным взглядом, эти алые губы, сомкнутые в дружескую улыбку, эти нежные девичьи руки с холеными пальчиками, эти рыжие волосы, рассыпанные по спине и ярким пламенем отливающие на солнце.

Гарри вдруг захотелось сказать ей что-нибудь, касающиеся только их двоих, но он не мог. Мысли о Гермионе все еще занимали его, все еще не отпускали — он верил, она вернется, и все станет на свои места. Он не знал еще о помолвке лучшего друга и любимой девушки, не ведал об их секрете. Его все терзало то письмо, что поутру получила Джинни, и он подумал спросить ее о нем.

— Джинни, — немного робко начал он, все-таки решившись прервать установившуюся тишину. — Джинни, я видел, утром ты читала письмо... От кого оно?

— От Гермионы, — спокойно ответила Джинни, но ее улыбка отчего-то спряталась в самые уголки губ, а плечи нервно дернулись.

— И что же она пишет? — продолжал Гарри, а в сердце ему закрался неприятный холодок: отчего Гермиона написала Джинни, а не ему?

— Пишет, что они с Драко удачно доехали до мэнора... — Джинни вдруг замерла на полуслове и с какой-то нерешительностью взглянула на него. — Гарри, она попросила меня ничего тебе не рассказывать, так как хочет сделать это сама, но я уверена, что ты должен знать заранее. Ты должен подготовиться, — Джинни перевела дыхание.

— Говори, Джинни, — немного резко попросил Гарри.

Джинни судорожно кивнула и быстро отпила воды, прежде, чем начать говорить.

— Ты знаешь, она приехала сюда не для того, чтобы увидеться с тобой. Она приехала сюда из-за Драко, — Гарри вздрогнул от ее слов, но с удивлением обнаружил, что это не стало для него великим открытием. — И в мэнор она поехала вовсе не для того, чтобы продолжить подготовку к экзаменам, ведь все нужные книги были у нее с собой, — продолжала Джинни. — Когда вы с Драко уехали из мэнора, она осталась там фактически одна — Сириус и Нарцисса мало уделяли ей внимания. У нее было время, чтобы переосмыслить свои чувства к тебе и понять, что дружеская, сестринская любовь — это еще не есть все. То же самое сказал мне перед отъездом Драко, — Джинни перевела дыхание, лихорадочно провела рукой по лбу. — И все-таки им обоим не давал покоя тот факт, что они предают тебя. Однако, когда выяснилось, что Драко вполне может лишиться владений, если не женится не позднее, чем через год после своего совершеннолетия — у них не оставалось выбора, и...

Джинни вдруг снова перестала говорить, будто отводя Гарри немного времени на раздумья. Он сидел, замерев на стуле, сжимая деревянные подлокотники с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Он отчаянно не желал верить во все сказанное Джинни, он отчаянно не хотел признать факт — он всегда будет для Гермионы кем угодно — другом, братом, но никогда — любимым.

Он понимал, что бессмысленно сейчас будет пытаться удержать ее — так он не только лишит ее должного счастья, но и не сможет обрести свое. Ведь разве можно быть счастливым с девушкой, которая всем своим нутром, всеми порывами сердца рвется к другому? Зелье, что соединило Гарри и Драко, сыграло и страшную отрицательную роль. Не будь всего этого, Драко бы никогда не полюбил Гермиону, никогда бы она не стала принадлежать ему.

Но, с другой стороны, тогда сам Гарри не обрел бы столь верного друга — пусть и предавшего его теперь. Но разве человек может ставить дружбу выше любви, правильность своих действий выше собственного счастья? Как бы поступил сам Гарри, будучи на месте Драко? Все его нутро разрывалось от противоречий, но он знал только одну истину — Гермиона никогда по-настоящему не будет его, даже если добьется этого силой.

— Они помолвлены, Гарри, — вдруг прервала молчание Джинни, выдергивая Гарри из клубка тяжелых мыслей.

Он кивнул и поднялся из-за стола.

— Думаю, мне надо на воздух, — сказал он, смотря Джинни в глаза. — Хочу разобраться в себе и привести в порядок мысли. Чтобы принять то, что ты мне сейчас поведала, требуется время.

Джинни кивнула.

— Иди, конечно.

Гарри быстрыми, стремительными шагами вышел из столовой в прихожую, а из нее — на дорожку, ведущую прямоком на пляж. Он разулся, и раскаленный песок нещадно жег ему ноги, ступать было больно и горячо, но Гарри не обращал на это внимания. Он шел к воде,

будто думая, что она принесет ему спокойствие и ясность мыслей. Вода была ему уже по колено, все выше и выше, а он все шел, будто желая утопить в ней все свое горе, все свои тяготы и печали. Наконец, когда стало так глубоко, что идти было уже невозможно, он поплыл. Он вбирал губами теплую, соленую, горькую воду, стараясь забыться.

Джинни, уже к этому времени тоже вышедшая на берег, наблюдала за ним. Он поплыл обратно, вышел из воды ей навстречу — мокрая одежда приятно холодила тело. Он не сразу увидел ее, все еще думая о рассказанном ею. Гермиона, его любимая, родная, такая нужная — была для него теперь потеряна навсегда. Он не желал в это верить, но, с другой стороны, понимал — если он любит ее и желает ей счастья, то должен простить и отпустить...

— Гарри, — неуверенно прервала тишину Джинни, — ты в порядке?

Гарри поднял на нее свой чистый, прямой взгляд, но ничего не сказал. Даже не пошевелился.

— Прости, наверное, я не должна была тебе говорить, — Джинни виновато посмотрела на него.

Гарри еле заметно покачал головой.

— Нет, я даже рад, что ты рассказала мне всю правду, — он умолк на секунду, а затем продолжил: — Знаешь, самое интересное, для меня это не стало неожиданностью. Как, думаю, и для тебя.

Джинни удивленно подняла брови. Гарри повернулся и посмотрел ей в глаза.

— Ты ведь тоже заметила, как сильно они сблизились в последнее время.

Секунду Джинни растерянно смотрела на Гарри, а затем кивнула.

— И поняла все, едва только Гермиона переступила этот порог, не правда ли?

Джинни задумалась на миг и вновь кивнула.

— Я тоже ощутил ее — эту незримую связь между ними, — Гарри перевел взгляд на бескрайнюю морскую гладь. — Гермиона приехала сюда не за мной, она приехала, чтобы вернуть его. Прозвучит странно, но... — он запнулся, — я сразу это осознал. Осознал, что мне придется ее отпустить, если я на самом деле желаю ей счастья. Я отпустил ее, Джинни. Я смог. Быть может, я и сам не сразу это понял, но это так.

На минуту воцарилось молчание — оба они думали о сказанном.

— Знаешь, — тихо начала Джинни, — а я ведь тоже его отпустила; еще тогда, когда сбежала. Просто сама себе смогла признаться в этом только когда сюда приехала Гермиона. С ее приездом я уяснила одну вещь: он никогда не принадлежал мне. Они оба принадлежат лишь друг другу. Больно, но честно...

Джинни повернулась к Гарри и встретила с его серьезным взглядом.

— Джинни, как думаешь, мы способны теперь помочь друг другу, спасти друг друга? — в голосе Гарри звучало не отчаяние, но слабая надежда.

Джинни кивнула.

— Ты ведь знаешь, Гарри, я всегда восхищалась тобой, восхищалась твоим необыкновенным героизмом и духовной силой. Ты противостоишь истинному злу с рождения, Гарри, — далеко не каждый способен на это. Ты — настоящий герой, Гарри, ты спас не только нас, ты спас целый мир, победив Темного Лорда. Я всегда буду восхищаться тобой, всегда буду благоговеть перед тобой, — она слабо улыбнулась и коснулась рукой его ладони.

Он сжал ее.

— Джинни... — он запнулся, — ты... Ты способна полюбить меня?

— Да, Гарри. Да. Я любила тебя, будучи маленькой девочкой, я благоговела перед тобой до этой самой минуты, а теперь я вновь буду тебя любить. Любить человека без взаимности можно, если он достоин твоей любви. Драко не стоит моего чувства, он не в силах оценить его — к чему тогда жертвовать возможностью быть счастливой ради него, зачем жертвовать собой? Ты, Гарри, достоин самой возвышенной, самой верной любви, и я подарю тебе ее. Ты способен понимать чувства других людей, принимать их выбор, прощать непрощаемое. Я любила в Драко его непонятность, его загадочность характера и мыслей, но когда он открылся мне, когда я поняла его суть, я осознала, насколько бессмысленна моя любовь. Да, я все еще люблю его, и, возможно, это чувство останется со мной всю мою жизнь — но это чувство пылкой девочки, желающей найти счастье там, где оно невозможно. Моя любовь к тебе, Гарри, будет осознанным чувством повзрослевшей девушки, которая лишь теперь начала понимать жизнь, — Джинни вдруг замолчала и нерешительно посмотрела на Гарри, словно боясь его слов в ответ на ее неожиданную исповедь.

Гарри не раздумывал ни секунды, в нем вдруг проснулась его решительность, его привычка стремительно менять свою жизнь, его привычка совершать серьезные поступки без долгих раздумий. Он наклонился к Джинни и поцеловал ее. Поцелуй этот отдавал спокойствием и надежностью — тем, что они так отчаялись найти в своих возлюбленных. Гарри прервал поцелуй, крепко обнял ее Джинни, прижал к себе.

— Мы спасем друг друга, Джинни, и будем счастливы. Я обещаю, — прошептал он. — Все будет хорошо.

— Я верю тебе, — на ее губах вдруг заиграла солнечная улыбка. — Знаешь, по-моему, ты — единственный человек в моей жизни, который никогда не давал повода усомниться в его словах.

Гарри опустил взгляд вниз, а затем снова поднял глаза на Джинни.

— Идем, — кивнул он головой в сторону пустынного пляжа.

— Куда? — слегка растерявшись, спросила Джинни.

— Гулять, конечно, — ответил Гарри и тут же добавил: — Давай просто жить и наслаждаться тем, что у нас есть сейчас.

Он отстранился и протянул ей руку.

Секунду Джинни смотрела так, словно сомневалась, а затем протянула ему свою ладонь.